

1 Введение.....	8
2 Теоретическая часть	10
2.1 Социально-политическая и культурная характеристика русской эмиграции «третьей волны»	10
2.2 Общая культурная характеристика представителей писательской эмиграции «третьей волны»	20
2.2.1 Формирование мировоззрения писателей-эмигрантов «третьей волны» и взаимодействие с новым обществом	26
3 Практическая часть	32
3.1 Особенности репрезентации культурного феномена «эмигрант» в произведениях авторов «третьей волны»	32
3.1.1 П. Вайль и А. Генис как «отцы-основатели».....	35
3.1.2 Философия «своего» и «чужого», «потерянного» и «приобретенного» в сборнике П. Вайля и А. Гениса «Потерянный рай. Эмиграция: попытка автопортрета»	38
3.1.3 Духовный мир русского эмигранта и литературное наследие прошлого (по книге П. Вайля и А. Гениса «Родная речь. Уроки изящной словесности»)	47
3.1.4 «Гастрономия» русской души: метафора кухни как способ категоризации пространства в сознании эмигранта (П. Вайль и А. Генис «Русская кухня в изгнании»)	52
4 Заключение.....	64
5 Библиография.....	67

1. Введение

Корпус литературы русских писателей-эмигрантов XX века представляет собой одну из наиболее примечательных и интересных с исследовательской точки зрения областей мирового литературного и культурного наследия. Проблемам периодизации литературного процесса, чертам поэтики произведений авторов-эмигрантов, культурологическим исследованиям влияния зарубежного культурного контекста на художественный мир писателей посвящено немалое количество научных работ таких авторов, как Б.А. Ланин, Г.П. Струве, Ю.И. Дружинников, В.П. Скобелев, В.П. Прищепа, А.Ю. Арьев и др. Однако феномен эмигрантской литературы до сих пор является областью чрезвычайного исследовательского интереса.

Внушительный вклад в развитие литературы русского зарубежья был внесен писателями и поэтами современности, относимыми к так называемым «третьей» и «четвертой» волнам эмиграции. Описанию творческого пути, анализу поэтики произведений таких авторов, как И. Бродский, А. Солженицын, В. Аксёнов, а особенно С. Довлатова, П. Вайля и А. Гениса, Н. Кожевниковой, Э. Лимонова и других посвящено не так много научных работ. По заявлению исследователя-историка К.В. Средняк, «третья волна, еще недавно принадлежавшая одновременно и прошлому, и настоящему, оставалась вне глубокого научного рассмотрения»¹. Этим, а также сложностью и противоречивостью феномена русской эмиграции «третьей волны» и объясняется актуальность исследований в данной области.

Большой вклад в развитие научных знаний о писательской культуре и быте литераторов-эмигрантов «третьей волны» также может внести исследование художественной публицистики, мемуаристики, писем и критических статей авторов данного периода.

Целью настоящей работы является попытка дать представление о внутреннем мире и художественном сознании поэтов и писателей русской эмиграции «третьей волны», определивших своеобразие и черты поэтики их произведений.

¹ Средняк К.В. Писатели третьей волны эмиграции: проблемы взаимодействия с советской и западной интеллигенцией в 1960-1980-е гг. Волгоград, 2010. С. 3.

Задачи исследования:

- 1) изучить необходимую научную литературу для актуализации и представления общего историко-политического и культурного контекста эпохи «третьей волны» русской эмиграции;
- 2) изучить тексты художественной публицистики и мемуаристики данных авторов, подходящие по тематике;
- 3) проанализировать и классифицировать художественные представления авторов о русской эмиграции;
- 4) систематизировать полученные данные, составив совокупный образ-автопортрет писателя-эмигранта «третьей волны»;
- 5) сделать выводы об особенностях ментальности, мировосприятия и культурного опыта русских-писателей-эмигрантов «третьей волны».

Методы исследования: общенаучные (описательный, анализ, сопоставление, классификация) и собственно литературоведческие (культурно-исторический метод, метод литературоведческой интерпретации).

Материалом исследования послужили художественно-публицистические и мемуарные произведения П. Вайля и А. Гениса «Потерянный рай», «Родная речь. Уроки изящной словесности», «Русская кухня в изгнании».

Новизна работы определяется довольно небольшим на сегодняшний день количеством исследований, посвященных рассмотрению творчества и личностей предложенных авторов. Научная разработка такого сегмента мирового литературного процесса, как современная эмигрантская литература, позволит составить более четкое представление о культурно-историческом и художественном контексте эпохи.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

2.1 Социально-политическая и культурная характеристика русской эмиграции «третьей волны»

Исследованию социально-психологического, демографического, экономико-политического, философского, исторического и других аспектов феномена русской эмиграции 20 века посвящены теоретические статьи и труды таких ученых-историков, социологов, культурологов и литературоведов, как Б.А. Ланин, О.Н. Михайлов, Г. Тарле, Т. Скрябина, К.В. Средняк, В.А. Иониев, Г.П. Струве, В.В. Агеносов, О.К. Антропов, А. Ахиезер, М. Соколов, А.В. Огороков, М.В. Назаров, Н.М. Лебедева, а также газетные, журнальные и интернет-публикации разных лет. Работы последнего времени отличаются фундаментальностью рассмотрения проблемы и комбинированием различных исследовательских подходов, что необходимо для более глубокого проникновения в суть рассматриваемого явления.

«Третья волна» русской эмиграции, имевшая место в 1970-1980-е гг. и получившая условное название «диссидентской» (от англ. dissident – «несогласный»), единодушно характеризуется учеными как явление довольно разнородное и противоречивое, в отличие от эмигрантских потоков послереволюционного (так называемая «первая волна») и послевоенного («вторая волна») периодов, которые характеризовались единством убеждений, идеологических воззрений и взглядов на культурно-историческую ситуацию.

Историки отмечают, что «эмиграция интеллигенции служит своеобразным индикатором политического и духовного состояния общества»¹. За период с 1917 по 2001 год число переселенцев из России в страны дальнего зарубежья составило порядка 45 миллионов человек². Из них на долю эмигрантов «третьей волны» приходится, по разным данным, от 470³ и 600⁴ тысяч за 1971-1987 годы

¹ Средняк К.В. Писатели третьей волны эмиграции: проблемы взаимодействия с советской и западной интеллигенцией в 1960-1980-е гг. Волгоград, 2010. С. 3.

² Эмиграция и репатриация в России / В.А. Иониев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Огороков. М., 2001.

³ Там же.

⁴ Ахиезер А. Эмиграция из России: культурно-исторический аспект // Свободная мысль. 1993 г. №7. С. 74.

до 1,1 миллиона человек¹. В современных публикациях отмечается, что выяснить доподлинно, каково было количество эмигрантов в период «третьей волны», невозможно².

SSSR nedával prostor určité literární tvorbě a společensko-politickému myšlení, a proto ony se stále zřetelněji přelévaly za hranice. „Spolu s nimi odcházela do světa také díla živých i mrtvých velikánů 20. století. Prvořadý úkol ruské emigrace – být strážcem ruské kultury – se začal naplňovat v měřících, o nichž se zasloužilým exulantům ani nesnilo. Ve spolupráci se západními rusisty vyšly v hlavních emigračním nakladatelských několika svazkové edice zavržených – A. Achmatovové, N. Gumiljova, M. Cvetajevové, L. Luncce, M. Kuzmina, J. Zamjatina, S. Kljujeva, S. Klyčkova, D. Charmse, N. Zabolockého, B. Pasternaka i utajovaná díla M. Bulgakova, O. Mandelštama, A. Platonova, B. Pilňaka, V. Grosmana.“³

В это время страну покидают такие писатели и поэты, как В. Аксенов, Ю. Алешковский, И. Бродский, Г. Владимов, В. Войнович, Ф. Горенштейн, И. Губерман, С. Довлатов, А. Галич, Л. Копелев, Н. Коржавин, Ю. Кублановский, Э. Лимонов, В. Максимов, Ю. Мамлеев, В. Некрасов, С. Соколов, А. Синявский, А. Солженицын, Д. Рубина, Ф. Горенштейн, Н. Горбаневская, В. Буковский, А. Зиновьев, В.П. Бетаки, А.Т. Гладилин и многие другие. Часть из них эмигрирует во Францию (М. Розанова и А. Синявский, В. Максимов, Э. Лимонов, В. Некрасов), часть в Германию (Ф. Горенштейн, В. Войнович). Большинство же уезжает в США, где, наряду с уже существующими, создаются новые российские издательства и органы периодической печати.

До сих пор остаются в статусе дискуссионных вопросы о сущности русской эмиграции «третьей волны» и о ее идейно-политических предпосылках. Некоторые исследователи считают диссидентство 70-80-х гг. продолжением тенденции к национальному «исходу» из страны ввиду несогласия с действующим политическим режимом, господствующей идеологией, внутренней политикой и т.д. («Гонения и запреты породили новый поток эмиграции,

¹ Четыре волны русской эмиграции в XX веке // Заграница. № 2.

² Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996 г. № 1. С. 59.

³ Putna M. C., Zdražilová M. Rusko mimo Rusko. Dějiny a kultura ruské emigrace 1917 - 1991 (II. díl). Petrov – Brno, 1994. С. 128.

существенно отличающийся от двух предыдущих»¹; «С конца 60-х годов усилилась борьба некоторых групп населения за реальную и свободную эмиграцию. Это относится прежде всего к евреям, которые медленно, но неуклонно добивались этой возможности»²). Другие склонны усматривать в эмигрантском движении «третьей волны» скорее сословную природу и личный характер, поскольку ведущими представителями переселенцев данного времени явились писатели, публицисты, журналисты, деятели науки и искусств и другие представители интеллигенции. Однако «мотивы выезда видных деятелей советской культуры были сложными по составу: в них присутствовали и политические, и творческие, и экономические причины»³. Часть исследователей полагает, что однозначно определить главную причину эмиграции 70-80-х гг. невозможно, и придерживаются комплексного подхода в трактовке данного феномена⁴.

Принято считать, что помимо творческой интеллигенции, «третью волну» также составили эмигранты, уезжавшие по сугубо политическим, социальным, религиозным и даже личным причинам.

Наступившая в конце 50-х годов «оттепель», а также общественный подъем после победы в Великой Отечественной войне сулили российскому государству всеобщую либерализацию и смену социально-политических, культурных и других приоритетов. Русские евреи, на которых была направлена репрессивная политика И.В. Сталина, после прихода к власти Н.С. Хрущева ожидали смягчения власти по отношению к себе и поворота политики в сторону культурной толерантности. Развенчание культа личности и критика теории бесконфликтности в литературе также давали повод к тому, чтобы ожидать от государства радикальных перемен. Однако, по меткому замечанию Т. Скрыбиной, «вслед за романтическими мечтаниями последовала 20-летняя стагнация»⁵.

Уже в середине 60-х годов вновь получили распространение явления тайного доноительства. Сохранившаяся подконтрольность литературы и искусства

¹ Скрыбина Т. Третья волна эмиграции.

² Ахиезер А. Эмиграция из России: культурно-исторический аспект // Свободная мысль. 1993 г. №7. С. 74.

³ Лебедева Н.М. Третья эмиграция из России // Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.

⁴ См. об этом: Тарле Г. История российского зарубежья: термины; принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917-1940. Том 1. М., 1994. С. 16-24.

⁵ Скрыбина Т. Третья волна эмиграции.

государству и господство соцреализма привели к закрытию по цензурным причинам периодических изданий, литературных журналов. Начинают свою активную деятельность КГБ, Главлит и Отдел культуры и пропаганды ЦК КПСС. Напряженная ситуация во внешней политике с США вновь установила «железный занавес», приоткрытый на несколько лет в период «оттепели», что еще в большей степени ухудшило социальные настроения.

«Чисто политическими» диссидентами оказались, по преимуществу, представители технических специальностей: инженеры, техники, физики, математики, биологи, люди со среднеспециальным образованием. Реже в их число входили студенты и гуманитарии.

В середине 60-х годов запрещаются и не публикуются произведения Солженицына, игнорируются либо порицаются официальной критикой представители «лагерной прозы». Против А. Синявского возбуждается уголовное дело, в процессе рассмотрения которого последний признан виновным и арестован. В российском обществе узнают о феномене «тунеядства», в котором обвиняются представители различных профессий, если их деятельность не соотносится с идеологическими позициями правительства либо не служит «на благо Родины». Среди представителей писательской интеллигенции обвинениям в тунеядстве подвергся И. Бродский, который впоследствии был сослан на постоянное проживание в станицу Норенская.

Отголоски внешнеполитической жизни страны в Европе также вызвали массу негодований. Введение советских войск на территорию Венгрии в 1956 году и в Чехословакию в 1968 году встретило активное неприятие и протесты со стороны российских граждан, общественных деятелей и журналистов. Так, за участие в одном из митингов против военной оккупации Чехословакии поэт С. Соловьев и журналистка Н. Горбаневская признаются сумасшедшими и помещаются в психиатрическую лечебницу. Возникает понятие ссылки в «психлаг».

Апогеем новой волны ужесточения политики в СССР стал ранее неизвестный российскому обществу феномен принудительной депортации, которой подлежали неугодные государству лица. В 1966 году данной процедуре подвергся и первый представитель из литературной среды – В. Тарсис. «В это время государственная политика в области эмиграции опиралась не на закон, а определялась в конечном

итоге произволом новой власти, ее конъюнктурными соображениями», – отмечает А. Ахиезер. – «Власть оказалась не в состоянии продолжать террор и поэтому пыталась использовать принудительную высылку как бы добровольно»¹. В то же время официальные выезды за границу были запрещены, однако попытки уехать под прикрытием командировок предпринимались неоднократно. В это самое время, как отмечает Н.М. Лебедева, «появляются в самом социокультурном явлении эмиграции совершенно новые процессы – насильственное лишение гражданства и диссидентство»².

Согласно данным некоторых исследователей, в частности К.В. Средняк, термин «диссидент» является достаточно многозначным и уже тогда использовалось для характеристики явлений разного рода. Прежде всего слово «диссидентство» являлось самоназванием группы литераторов, стоявших на радикальных позициях общественных активистов (Ю. Вишневская, А. Амальрик, Н. Горбаневская, В. Буковский и др.) и впоследствии эмигрировавшими вместе с писателями и поэтами не столь крайнего толка. С другой стороны, принято обобщать всех представителей «третьей волны» и называть эмиграцию данного периода диссидентской в целом из-за идейно-политических разногласий между ними и государством³.

Также следует отметить, что общественное движение диссидентов в России 60-70-х годов начало складываться еще до массовой высылки российских граждан в эмиграции и до массовых арестов. Инициаторами движения выступила немногочисленная часть интеллигенции, разочаровавшаяся в «оттепели» и все более убеждавшаяся в необходимости кардинальных перемен по мере того, как наступали еще более несвободные в идейном и идеологическом планах 70-е годы. Протест против государственной политики выразился в том, что ученые, литераторы, студенты вузов сознательно отказывались от своих профессий и уходили в рабочие, дворники, сторожа, образуя общество, впоследствии получившее название культурного «андеграунда» – «второй» культуры, существовавшее наряду с официальной идеологией и вырабатывавшее свои

¹ Ахиезер А. Эмиграция из России: культурно-исторический аспект // Свободная мысль. 1993 г. №7. С. 74.

² Лебедева Н.М. Третья эмиграция из России // Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.

³ Средняк К.В. Писатели третьей волны эмиграции: проблемы взаимодействия с советской и западной интеллигенцией в 1960-1980-е гг. Волгоград, 2010. С. 13.

взгляды на литературу, политику, на принципы правильного социального устройства и т.д. Данная группировка ориентировалась на традиции дореволюционной культуры и литературы, неприязненно относилась к современному литературному процессу, высказывалась против соцреализма как ведущего метода в искусстве и критиковала политическое устройство страны¹. Зарождение «второй культуры», безусловно, дало начало формированию коллективного сознания будущих эмигрантов «третьей волны» и определило основы их диссидентского, «несоглашательского» мировоззрения в 70-е годы.

Бытует мнение, что главной причиной эмиграции творческой интеллигенции в это время стали невозможность, затруднённая публикация своих произведений на страницах литературных изданий и нападки со стороны идеологической, официальной критики. Однако, по свидетельствам современников, ограничения в печати и цензура были лишь следствием того, против чего выступали диссиденты-эмигранты. Н.М. Лебедева цитирует журналиста А. Нежного, который пишет: «Уезжали и уезжают не от России – от нее вообще невозможно уехать. Бегут от государства, грузная туша которого закрывает небеса; бегут от власти, у которой нет ничего святого; бегут от домоуправления, райкома, обкома, радиовещания, от сексотов, очередей, лагерей, от бесстыдной лжи и холодной жестокости, от чудовищного бескультурья и победоносного хамства – бегут, чтобы спасти от монстра свои смертные тела и бессмертные души, бегут, проклиная и плача»².

70-80-е годы отличаются активизацией гражданской позиции и патриотических умонастроений именно в писательской среде. Литераторы предпринимают активные действия по защите своих коллег от произвола государства, вступают в полемику по национальному, культурному, социальному и другим вопросам. Так, например, на страницах журнала «Библиотека “Комсомольской правды”» отдельным изданием в 1990 году выходит трактат А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию. Посильные соображения», посвященный вышеизложенным проблемам того времени, включая кризис экономики и хозяйства, произвол КГБ, сущность советского политического режима и т.д. Идею писателя в данной работе

¹ Средняк К.В. Писатели третьей волны эмиграции: проблемы взаимодействия с советской и западной интеллигенцией в 1960-1980-е гг. Волгоград, 2010. С. 12.

² Лебедева Н.М. Третья эмиграция из России // Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.

можно выразить одной из заключительных фраз трактата: «Непосильно трудно составлять какую-либо стройную разработку вперед: она скорее всего будет содержать больше ошибок, чем достоинств, и с трудом поспевать за реальным ходом вещей. Но и: нельзя вовсе не пытаться»¹.

Таким образом, эмигранты «третьей волны» ищут свободы в более широком смысле: не только творческой, но и культурной, политической, идеологической.

Впоследствии, как отмечает К.В. Средняк, анализ причин и предпосылок эмиграции 70-80-х годов, а также формирование культурных и общественно-политических задач русской эмиграции «третьей волны» проводился на страницах зарубежных печатных изданий уже самими диссидентами. «Обсуждение этих проблем носило публицистический характер и было крайне политизировано»².

O politických důvodech třetí emigrační vlny psaly taky Martin C. Putna a Miluše Zdražilová. „Vůdčími osobnostmi „brežněvovské“ emigrační vlny se staly nositelé opozičních nálad, přicházející s různými koncepcemi žádoucího vývoje Ruska. Sám vývoj jejich emigrace, ať víceméně dobrovolné či jednoznačné vynucené, byl svědectvím o nemožnosti dialogu mezi mocí a společností. Dokazoval, že už dávno bezkonceptní a zkorumpovaná státní moc hodlá i nadále setrvat na svém právu určovat a kontrolovat všechny oblasti společenského života. Svobodnější ruské myšlení a kultura byly znovu vykážány z veřejných tribun.“³

Полное несогласие диссидентов с политическим и социальным режимом в СССР, их идеологическая борьба с коммунизмом привели и к тому, что американские спецслужбы пытались использовать их в качестве орудия при ведении «холодной войны» с Россией. Данный факт еще более способствовал идейному расслоению в среде эмигрантской диаспоры, вследствие чего одно из течений осознало ложность некоторых своих взглядов, убеждений и попыталось пересмотреть свои взгляды на обстановку в стране, а другое окончательно разочаровалось и стало

¹ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения // Библиотека «Комсомольской правды». 1990. № 11. С. 30.

² Средняк К.В. Писатели третьей волны эмиграции: проблемы взаимодействия с советской и западной интеллигенцией в 1960-1980-е гг. Волгоград, 2010. С. 3.

³ Putna M.C., Zdražilová M. Rusko mimo Rusko. Dějiny a kultura ruské emigrace 1917 - 1991(II. díl). Petrov – Brno, 1994. С. 125.

высказываться крайне негативно не только о режиме, но и по отношению к России в целом¹.

Говоря о кризисном положении русских эмигрантов «третьей волны», исследователи также отмечают неприятие, с которым к диссидентам и их взглядам относились представителями «первой» и «второй» волн, что также говорит о некоей несостоятельности и разобщенности их идеологии, свидетельствует об отсутствии единства внутри их группы. Если эмигранты «первой волны» были категорически не согласны с диссидентской критикой дореволюционной России и восприятию жизни в эти времена как «золотого века», то послевоенные эмигранты видели в них отчасти конкурентов, отчасти знак крушения своих надежд на возвращение в страну, в которой возможны перемены к лучшему².

Наряду с эмигрантами собственно политическими и эмигрантами-интеллигентами, в 70-е годы начинает свое формирование течение религиозной эмиграции, сутью воззрений которых являлось неприятие «антиобщественной деятельности» правительства Советской России. Свою генеалогию течение ведет еще со времен конца 40-х – начала 50-х годов, когда представители религиозных слоев и сословий уже строили планы по «исходу из СССР», поскольку она является страной безбожия, которую непременно настигнет «чаша гнева Господня». Религиозные оппозиционеры выступали против дискриминации в гражданской и частной жизни, а также против запрета на свободу слова. В 1977 году они заявляют о своем желании покинуть страну, в 1979 Россию покидает порядка 30 тысяч религиозных диссидентов, а с начала 80-х начинаются активные преследования их со стороны государства, аресты и ссылки, которые длятся вплоть до 1989 года³.

Značná míra třetí emigrační vlny se skládá z lidí židovského původu. „Vlna vystěhovalectví z SSSR bezprostředně souvisela s vyhlášením samostatné státní Izrael. Objevila se totiž reálná možnost vycestovat za nejbližšími příbuznými, pokud byli

¹ Окорочков А.В. Третья волна эмиграции // Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.

² Лебедева Н.М. Третья эмиграции из России // Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.

³ См. об этом: Лебедева Н.М. Третья эмиграции из России // Эмиграция и репатриация в России. М., 2001; Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996 г. № 1. С.60-61.

řádnými občany nově vzniklého státu.“¹ Taky jako jednu z příčin své emigrace označovali pocit rasové diskriminace, plynoucí z určování „ národnosti“. Jednalo se o uplatňování rasových omezení v přístupu ke vzdělání, a dokonce i obavách z protižidovských pogromů.

„Žádosti o izraelské vízum nebyly často motivovány touhou „žít ve vlasti předků“, nýbrž – řečeno slovy hlavního redaktora časopisu Doba a my - „nechutí žít v totalitním světě““²

Avšak oficiální důvod k vystěhování do státu Izrael za účelem spojování rodin nebyl vždy pravdivý. Hodně vystěhovalců zneužívalo to jako jednu z mála možných legálních cest jak emigrovat. „Značně určitý pojem „spojování rodin“ umožňoval, aby se na jednoho žadatele židovského národnosti napojila široce rozvětvená rodina – se švagry, snachami a tchány odjížděli často na izraelské povolení i ti, v jejichž žilách nekolovala ani kapka židovské krve.“³

Velice absurdní bylo to, že s izraelským vízem mohli opouštět zemi i lidé podezřelí z antisemitských postojů.

Израиль зачастую служил лишь официальным местом назначения. Сравнительно небольшой процент эмигрантов тянуло на родину праотцев. Другие направлялись в страны, давно облюбованные предыдущими поколениями русской эмиграции.

“Mnozí z proudu legálních vystěhovalců vůbec nepočítali s tím, že by se usadili v Izraeli. Politika Západu vůči sovětským vystěhovalcům byla v těchto desetiletích nesporně velkorysá. Celá řada států počínaje USA, Kanadou, zeměmi Jižní Ameriky, Austrálií a konče tradičními hostitelskými zeměmi ruské emigrace, Francií, Německem, ale také Itálií, Anglií, Skandinávií a Švýcarskem, přijímalo zájemce o trvalý pobyt v měřítcích, o nichž se v budoucích letech zřejmě bude obyvatelům rozpadlého sovětského impéria moci jen zdát. Místem, kde padalo konečné rozhodnutí, kam kdo

¹ Putna M. C., Zadražilová M. Rusko mimo Rusko. Dějiny a kultura ruské emigrace 1917 - 1991 (II. díl). Petrov – Brno, 1994. C. 131.

² Там же.

³ Там же.

pojede a jakou životní alternativu zvolí, se většinou stalo teprve vídeňské letiště jako první přestupní stanice.,¹

“Statistiky ukazují, že na místo „původního určení“ dojíždělo stále méně žadatelů. Jestliže v letech 1970-1973 neprojevalo zájem o trvalý pobyt v Izraeli pouhé jedno procento vystěhovalců, zvýšil se jejich počet již v roce 1974 na desetinásobek.“²

Анализируя ситуацию, Н.М. Лебедева замечает: «В эмиграции с людьми часто происходят странные вещи – из прозорливых, правдолюбивых, неподкупных критиков режима, борющихся за свободу слова и духа, даже ценой своей свободы, (приехав на Запад и застыв в той точке, с которой началась их эмиграция, не желая видеть, что в оставленной ими России произошли серьезные перемены, о которых они мечтали), превращаются в упрямых и мелочных слепцов»³.

Многие говорят о том, что методичное отрицание советского режима в России, слепая критика всех явлений общественной жизни и нежелание пойти на компромисс, свойственные представителям диссидентства 60-80-х годов, в основном и явилась причиной их идейного краха уже в эмиграции. «<...> они не смогли (или не захотели) увидеть реальных изменений в России конца 80–90-х гг.: отмены цензуры, восстановления закрытых страниц отечественной истории, появления свободного доступа к литературе любых направлений, падения «железного занавеса» и возможности широких международных контактов»⁴.

Уезжая за границу, они закрепили Россию в своем сознании такой, какой она была при них. Для эмигрантов «третьей волны» время в России остановилось. Там господствует статика, нет никакого развития и движения. И в этом они оказались неправы, что и помешало им быть принятыми родной читательской аудиторией, помешало им сохранить доверие русского человека. Заявления диссидентов о порочности советского режима в России уже не только не соответствовали реальной действительности, которая в своем развитии продвинулась далеко вперед, но и выглядели со стороны российского читателя чересчур пафосными и фальшивыми.

¹ Putna M. C., Zdražilová M. Rusko mimo Rusko. Dějiny a kultura ruské emigrace 1917 - 1991(II. díl). Petrov – Brno, 1994. С. 136.

² Там же.

³ Лебедева Н.М. Третья эмиграция из России // Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.

⁴ Там же.

«Такой феномен не был свойственен только третьей и четвертой эмиграциям, это – вообще универсальный феномен для русской (интересно – только ли русской?) эмиграции, – пишет Н.М. Лебедева. – Даже самым талантливым представителям первой волны подчас изменяло чувство реальности: например, И. Бунин, З. Гиппиус, В. Набоков отрицали даже малейшую возможность существования сколько-нибудь ценных произведений литературы в СССР. Свою ненависть к режиму они распространяли на все стороны жизни в Советской России»¹.

Однако отмечается историками и культурологами и положительное значение эмиграции в целом и эмиграции «третьей волны» в частности. «Благодаря их помощи удалось широко распропагандировать правозащитное движение в СССР, издать тысячи рукописей, документов, литературных произведений запрещенных в Советском Союзе и сделать их достоянием широких кругов западной общественности. Сотни пресс-конференций, демонстраций, выставок организованных благодаря авторитету и участию представителей третьей волны эмиграции позволили найти или создать иностранные организации для поддержки российских оппозиций, а также привлечь внимание западной прессы к ее проблемам»².

2.2 Общая социокультурная характеристика русского Запада 70-80-х годов

«Третья волна» русской эмиграции, как отмечают исследователи, отличается не только своеобразными социально-политическими условиями и предпосылками. Для нее также характерно особое культурное, идейное и мировоззренческое устройство, совершенно непохожее на аналогичные характеристики «первой» и «второй» волн, и это позволяет назвать анализируемое явление уникальным в своем роде.

Прежде всего, как уже было отмечено выше, идейные установки представителей «третьей волны» по разным причинам не были приняты старшими эмигрантами. Представители послевоенной и постреволюционной эмиграции отнеслись

¹ Лебедева Н.М. Третья эмиграция из России // Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.

² О कोरोков А.В. Третья волна эмиграции // Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.

негативно к новоприбывшим переселенцам из России, критиковали их взгляды на общественное устройство на родине и старались не поддерживать с ними близких творческих и дружеских контактов.

Характерным именно для «третьей волны» является то, что, будучи настроенными против политического и социального режима в стране, которую они стремились покинуть, как раз от советчины эмигранты-шестидесятники сохранили в себе парадоксально много – в силу того что это поколение людей, выращенных и воспитанных на этой почве. Эмигранты «первой» и «второй» волн, наоборот, считали себя чуждыми этим установкам и ментально оставались в атмосфере прошлых эпох, предшествовавших советской власти в России.

Чешские авторы Martin C. Putna a Miluše Zadražilová также называют ещё одну из возможных причин отсутствия взаимной симпатии между представителями «третьей волны» и их предшественниками. Речь идёт об упреке старшего поколения в трудностях, с которыми столкнулись они, но которые минули их последователей. «Stará emigrace se nejednou, můžeme-li věřit slovům spisovatele a publicisty A. Gladilina, nechávala slyšet, že prožila svůj emigrantský život v mnohém horších podmínkách, a její slova zněla jako výčitka: „My jsme začínali jako taxikáři, myčiči nádobí a vy usedáte rovnou do ředitelských křesel a pronajímáte si byty v nejlepších čtvrtích... Jenomže s těmi začátky to bývalo většinou mnohem složitější a řada méně známých umělců nezhrdala ani odklizením sněhu, mytím nádobí a taxikařením».¹

С другой стороны, по замечаниям историографов и историков литературного процесса данного времени, сильное идеологическое, мировоззренческое, национальное расслоение наблюдалось и внутри самой «третьей волны», что было не характерно для предыдущих эмигрантских потоков из России. «Третья волна» также оказалась более протяженной во времени, а ее представители старались как можно скорее ассимилироваться с представителями именно западной, а не русской эмигрантской интеллигенции, что было абсолютно нетипично для писателей и общественных деятелей первых двух волн, которые стремились скорее к обособлению от новой среды, чем к растворению в ней.

¹ Putna M. C., Zadražilová M. Rusko mimo Rusko. Dějiny a kultura ruské emigrace 1917 - 1991(II. díl). Petrov – Brno, 1994. С. 139.

Таким образом, по выражению К.В. Средняк, шестидесятники «будучи слишком не-советскими для советского общества и правительства, на Западе <...> казались слишком по-советски настроенными»¹. В результате уже в эмиграции писатели-шестидесятники сохранили свое деление на представителей официальной литературы и приверженцев «второй» культуры, и это во многом определило пути их дальнейшего существования в стране-реципиенте, характер творческой и бытовой ассимиляции, темпы привыкания к новым, необычным для них условиям жизни. Если писатели первой группы имели больше шансов на вхождение в среду западной интеллигенции, больше возможностей заниматься интеллектуальным трудом, работать в печати, изучать иностранный язык, то представители неофициальной культуры, несмотря на кризис поиска читательской аудитории и сложные жизненные и трудовые условия, быстрее освоили систему функционирования западного рынка и скорее приспособились к зарубежным творческим образцам, в результате чего были приняты не столько советской, сколько западной публикой. «<...> русским писателям новой эмиграции было о чем рассказать зарубежному читателю хотя бы уже потому, что они являлись полномочными представителями советской цивилизации, носителями советского опыта жизни (причем в его концентрированном виде), незнакомого первым двум "волнам" ...»².

Стоит также заметить, что еще до эмиграции, несмотря на противодействия со стороны органов госбезопасности СССР, некоторым писателям-диссидентам удавалось передавать свои произведения на Запад, где они издавались различными журналами или даже отдельными книгами, а затем возвращались в страну (так называемый «тамиздат»). В таком виде они возвращались в Россию и подвергались кустарному распространению: распечатывались на пишущих машинках, ксероксах, ротаторах и пускались в подпольный оборот в виде «самиздата»³. Подобная практика сохранилась и в период 70-80-х годов, когда писатели-эмигранты осуществляли своеобразный «книгообмен» между Западом и

¹ Средняк К.В. Писатели третьей волны эмиграции: проблемы взаимодействия с советской и западной интеллигенцией в 1960-1980-е гг. Волгоград, 2010. С. 20.

² Прищепа В.П. Литература русского зарубежья. Учебное пособие. Абакан, 1994. С.

³ Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918 - 1996). М.: Терра.Спорт, 1998. С. 475-476.

Брежневской Россией, передавая книги на родину через командированных ученых, научных работников, дипломатов, студентов и т.д.¹

Критик «третьей волны» эмиграции Александр Генис следующим образом описывает первое, а возможно и последнее, столкновение новых переселенцев с русскими американцами прошлых поколений: «Приехав в Америку в 1977-м и сразу поступив на работу в старейшую (столетнюю!) газету “Новое русское слово”, я еще застал “китов” предыдущей эпохи. Историка литературы Бориса Филиппова, Глеба Струве, соратника Бердяева философа Левицкого, критика из среды акмеистов Владимира Вейдле, поэта Ивана Елагина. <...> Седых [*Андрей Седых - прим. Ж.М.*] любил вспоминать друзей и знакомых — Мандельштама, Рахманинова, Шагала, Цветаеву. Зато нас он не замечал, считая Третью волну носителем уродливого советского наречия, “исчадием новояза”. У Бродского Седых не понимал ни слова, Довлатова называл “вертухаем” <...> Преодолеть стену между эмигрантскими волнами так и не удалось, поэтому Третья волна быстро обзавелась своей печатной базой...»²

Т. Скрябина также замечает, что «совершенно разный опыт, мировоззрение, даже разный язык мешали возникновению связей между поколениями»³. 50 лет господства советской власти в России изменил русский язык настолько сильно, что, возвращенные на русской классике, эмигранты «первой» и «второй» волн относились пренебрежительно к живой речи своих преемников.

Говоря о творческой и общественно-публицистической жизни писателей-эмигрантов «третьей волны», нельзя не сказать о том, что отношения между уехавшими за рубеж интеллигентами и советской аудиторией поддерживались постоянно, и интерес к судьбам друг друга у сторон был взаимным. Специально для международных выступлений шестидесятниками были созданы новые газеты, журналы, радиостанции («Голос Америки», «Немецкая волна», «Свобода»), которые служили диссидентам трибунами для общественных выступлений. Активно пользовались такой формой взаимодействия с российскими читателями и слушателями В. Тарсис, а затем и В. Войнович, В. Аксенов и др. Организация

¹ Средняк К.В. Писатели третьей волны эмиграции: проблемы взаимодействия с советской и западной интеллигенцией в 1960-1980-е гг. Волгоград, 2010. С. 18.

² Генис А. Третья волна: примерка свободы // Звезда. 2010 г. № 5.

³ Скрябина Т. Третья волна эмиграции.

под названием «Международный пен-клуб», начавшая активно сотрудничать с писателями-диссидентами в начале 1970-х гг., также стала неким объединением, позволявшим открыто выражать свои мысли, высказываться без оглядки на преследования со стороны спецслужб, делиться мнениями с общественностью.

Среди органов периодической печати, существовавшей еще до приезда шестидесятников и созданных в 70-80-е годы, которые приняли новых эмигрантов в свои ряды, выделяются такие издания, как «Континент» (основан В.Е. Максимовым в 1974 году в Берлине), «Время и мы» (Израиль), «Форум» (функционировал в Мюнхене), «Вече» (издавалось О.А. Красовским в Мюнхене с 1980 года), «Трибуна» (Париж, с 1983 года). В начале 1980-х гг. в Нью-Йорке появляется газета «Новый американец» (главный редактор - С. Довлатов), а в Лос-Анджелесе начинает выходить газета «Панорама». Кроме того, эмигрантские общины в разных странах организовывали собственные издательства, где печатались произведения опальных авторов (например, «Чалидзе Пабликэйшнз» в Нью-Йорке).

Самыми крупными литературно-публицистическими журналами «третьей волны» стали «Континент» и «Вече» в Европе. Также большой вес имела газета «Новый американец» в США. «Континент» основан при активном участии и поддержке А.И. Солженицына и стоял на позициях активного сопротивления коммунизму и тоталитарной власти в России. С данным журналом в разное время сотрудничали как русские авторы-эмигранты (И.А. Бродский, С.Н. Довлатов, В.Н. Войнович, В.П. Некрасов, В.П. Бетаки, А.Д. Синявский, В.К. Буковский, Н. Коржавин, А.Д. Сахаров, А.И. Солженицын и т.д.), так и зарубежные писатели того времени (К. Густав-Штрём, Э. Ионеско, М. Джилас). Журнал «Вече» официально издавался под патронатом «Российского национального объединения» и выходил под лозунгом «Возрождение России», также преследуя цели устранения советского патриотизма и русофобства. В данном издании широко публиковались материалы представителей «первой» и «второй» волн эмиграции (И.А. Бунина, И.А. Ильина,

В.В. Шульгина, Н.И. Ульянова, П. Флоренского), а также статьи и публицистика В.Д. Самарина, А.И. Солженицына, В.В. Аксютчица, М.В. Назарова и др.¹.

По словам К.В. Средняк, «художественные и общественно-политические расхождения, присущие волнам, стимулировали формирование самосознания третьей волны»². Идеологическое расслоение внутри писательской интеллигенции в эмиграции стало причиной того, что некоторым изданиям, посвященным проблемам «третьей волны» и в основном сосредотачивавшимся на политических вопросах («Континент», «Синтаксис», «Время и мы», «Страна и мир»), в оппозицию возникала другая периодика, авторы которой бравировали своей социально-политической индифферентностью. В результате каждый из эмигрантских лагерей получил свои печатные органы. Представители неофициальной культуры, которых вопросы устройства России мало интересовали, начали выпускать свои журналы «Третья волна», «Ковчег», «Эхо» и др. Это позволило авторам данного направления еще больше обособиться от диссидентской общины и развиваться по-своему. Не случайно Н. Коржавин назвал эмигрантскую литературу «третьей волны» «клубком конфликтов», где каждый отдельный представитель «дерется» со своим товарищем и создается впечатление, что это единственная цель их выезда из России³.

«В условиях немногочисленной и разбросанной по разным странам читательской аудитории эмигрантская периодика могла существовать лишь на грани выживания, да и то недолго, – пишет А. Генис в одной из своих статей. – Тем не менее именно этот вольный форум, кипящий идеями и бурными спорами, послужил примеркой гласности и прологом к публицистическому буму перестройки. Третья волна опробовала соблазны и опасности свободы слова, опыт которой оказался судьбоносным для всей русской культуры»⁴.

¹ См. об этом: «Третья волна» русской эмиграции // Прищепа В.П. Литература русского зарубежья. Учебное пособие. Абакан, 1994 и Окорочков А.В. Третья волна эмиграции // Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.

² Средняк К.В. Писатели третьей волны эмиграции: проблемы взаимодействия с советской и западной интеллигенцией в 1960-1980-е гг. Волгоград, 2010. С. 18.

³ Скрыбина Т. Третья волна эмиграции.

⁴ Генис А. Третья волна: примерка свободы // Звезда. 2010 г. № 5.

2.2.1 Формирование мировоззрения писателей-эмигрантов «третьей волны» и взаимодействие с новым обществом

Одним из важнейших экстралитературных факторов, повлиявших на формирование мировоззрения и авторской ментальности у писателей «третьей волны», стало вхождение в западное общество, ассимиляция.

В соответствии с Женевской конвенцией 1951 года многие диссиденты получили статус политических беженцев по лишению советского гражданства, поэтому процесс узаконения въезда и своего проживания на территории зарубежной страны стал первой трудностью на пути обустройства русских эмигрантов на новом месте. Вместе с тем, для многих авторов характерно описание культурного шока, который ощущается при въезде в другую страну на постоянное жительство. Это, а также первые бытовые, жилищные трудности, проблемы в межличностных отношениях, языковой барьер и проч. дали толчок к переосмыслению эмигрантами некоторых личностных позиций, к формированию нового мировидения и выработке нового способа существования – как физического, так и ментального и вместе с тем творческого.

Своеобразным этапом «инициации» в новом обществе считали эмигранты получение нового гражданского и социального статусов. Это, в частности, касалось и обретения себя в профессиональном плане. Поскольку многие писатели-диссиденты – такие, как А.И. Солженицын, И.А. Бродский, А.И. Синавский, В. Коржавин и др. – были довольно известны в кругах зарубежной филологической науки, они были приглашены к сотрудничеству с крупными университетами в качестве преподавателей славистики и очень быстро влились в коллектив западной интеллигенции. Другие авторы – в большинстве своем представители неофициальной литературы – были вынуждены зарабатывать физическим трудом, и их самообретение происходило несколько иным, более трудным путем.

Крупные писатели, представители официальной ветви литературы, были озабочены формулировкой собственной цели – «миссии» – которая была у каждой из волн эмиграции. Свое предназначение многие из них видели в общественно-политической работе, направленной на разоблачение и дискредитацию советского

режима в России. В частности, это были А.И. Солженицын, А. Амальрик, В. Максимов, В. Буковский и др.

Естественно и то, что необходимо было не только мириться с неудобствами жизни, но и попытаться осмыслить и освоить западные «новшества», которые не были характерны жизни в советской России. Одним из таких «новых» для эмигранта феноменов явилась свобода слова и печати в капиталистическом обществе, а также особенности функционирования литературы и публицистики при таком режиме. Шестидесятники сталкиваются с понятием литературного рынка, потребительской культурой, постигают совершенно иную роль писателя и его труда в новом для себя обществе. Необычным для диссидентов явилось и то, что читательская аудитория, подобно телевизионной, теперь должна «завоевываться» писателем, а для этого необходимо создавать такие произведения, которые нужны, а главное интересны именно с точки зрения читателя-потребителя, а не писателя, пропагандирующего свои идеи. В такой обстановке преимущество было на стороне писателей «второй» культуры, которые, во-первых, оказались более интересными зарубежной аудитории, а во-вторых, раньше других освоили контрактную систему литературного труда, распространенную, например, в США. Представители официальной ветви в данном случае переживали сильнейший кризис и очень болезненно воспринимали ситуацию «нечитаемости». Их книги распространялись в основном в среде русских эмигрантов и поэтому долго оставались малотиражными¹.

Есть мнение, что «обретенная» свобода слова и отсутствие надзора со стороны государства послужила тому, что в 1970-80-е гг. феномен эмиграции изжил себя и перестал существовать как реальный культурный феномен. Примером тому послужила как раз «третья волна», любым своим действием, любой своей публикацией стремившаяся вернуться назад: « <...> возвращение на родину становится для писателя-эмигранта делом личного решения. Происходят значительные перемены: <...> на наших глазах агонизирует, утратив свой исторический смысл, целая ветвь отечественной культуры»². Несмотря на

¹ Средняк К.В. Писатели третьей волны эмиграции: проблемы взаимодействия с советской и западной интеллигенцией в 1960-1980-е гг. Волгоград, 2010. С. 16-19.

² Скобелев В.П. О единстве русской литературы XX века // Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей. Самара: Самарский университет, 1997.

стремление стать «своими» в среде западной интеллигенции, «представители третьей волны не могли раствориться в западном обществе благодаря сохранявшейся живой связи с СССР. Бывшие члены Союза писателей открыто говорили, что продолжают относить себя к русской интеллигенции и видят своего читателя по ту сторону “железного занавеса”»¹.

Нехватка привычного общения в родной среде послужила у эмигрантов «третьей волны» все большему нарастанию тенденции вести переписку с коллегами из России. Постепенно даже крупные представители русской писательской интеллигенции за рубежом устают от общественной работы и публицистических выступлений и обращаются к частной переписке, чтобы посвятить себя вопросам духовным, интимным и личным, отойти от политики и вопросов социального устройства. Именно в материалах переписки мы впервые сможем увидеть разговоры о Западе, бытовые зарисовки и описания, истории из обыденной жизни русских эмигрантов в иностранном обществе, проблемы общения, курьезы менталитета чужой нации и многое другое. Вместе с этим, частная переписка дала толчок к высказыванию разочарования русской интеллигенции зарубежья в своей новой жизни вне родины.

«Третья» эмиграция уже не могла вернуться в Россию, и представители ее это понимали. Поэтому их творчество, помимо чисто эстетической функции, приобретает также роль средства «ментального возвращения» в Россию и общения с людьми, которых они считают теперь родными и близкими. «Соответственно, – пишет В.П. Скобелев, – вынужденная разлука с родиной была не такой длительной и – главное – не такой устрашающе безнадежной, как у эмигрантов предыдущих поколений»².

В научной литературе также принято говорить о том, что со временем в сознании эмигрантов «третьей волны» формируется своя, особая мифология, слагающаяся из символов привычного им быта. Постепенно она изменяется, приобретает новые концепты, оттесняя на задний план старые, связанные с неприятием советской действительности. Так, в мифологии диссидентства выделяется три «кита»:

¹ Средняк К.В. Писатели третьей волны эмиграции: проблемы взаимодействия с советской и западной интеллигенцией в 1960-1980-е гг. Волгоград, 2010. С. 18.

² Скобелев В.П. О единстве русской литературы XX века // Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей. Самара: Самарский университет, 1997.

Романтика, Революция и Дорога, ведущее и основополагающее значение в которой стоит именно за последним из них. Революция превращается в метод творчества, близкий к модерну и авангарду, тяготеющему к постоянному поиску и созданию новых литературных форм. Романтика реализуется в тоске по родине и родным местам, родным реалиям, без которых шестидесятники не чувствуют себя полноценно русскими. И, наконец, Дорога – метафизический путь, метафора целой жизни эмигрантов разных поколений, приобретшая новый виток во времена «третьей волны»¹.

С этим связано и характерное для писателей-эмигрантов мироощущение пустоты и переживания по поводу своей трагической доли – обреченности пребывать в «торричеллиевой пустоте», по ту сторону жизни². Об этом они будут писать очень часто. Однако, считает Г.М. Торунова, «они не по своей воле покинули Родину. С другой стороны, они и там продолжают оставаться русскими писателями, людьми русской культуры, большую часть которой они, кстати, сохранили и вернули нам сейчас»³.

Постепенно складывающийся менталитет писателей «третьей волны» эмиграции определяет и дальнейшие пути художественного творчества, пути исканий, связанных с выработкой новых сюжетов, новых концепций произведений, новых героев и тем. Главным предметом изображения по-прежнему остается жизнь на родине, русская история, современность, судьба русских людей в деревнях, на фронтах войны, в новых городах, в лагерях. Предпринимаются попытки переосмыслить историю, данную человеку в том виде, в котором она пропагандировалась советской идеологией, попытки взглянуть на нее другими глазами, с других позиций. «Исторической, духовной, культурной миссией становится возможность сказать свое, свободное слово правды о времени, стране, народе, современнике»⁴.

¹ Торунова Г.М. Мифология шестидесятников // Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей. Самара: Самарский университет, 1997.

² Тихомирова Е.В. Литература и небытие (К вопросу о поэтике прозы «третьей волны» русской эмиграции) // Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей. Самара: Самарский университет, 1997.

³ Торунова Г.М. Мифология шестидесятников // Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей. Самара: Самарский университет, 1997.

⁴ Литература русского зарубежья. Учеб. пособие / Сост. Л.Х. Насрутдинова. Казань, 2007. С. 52.

В литературе русской эмиграции «третьей волны» появляются и некоторые художественные открытия, доселе не свойственные литературе русского зарубежья. Так, исследователи отмечают развитие именно в творчестве шестидесятников новых жанровых форм: «роман отъезда» («Ниоткуда с любовью» Д. Савицкого, «Плато» и «Младший брат» Б. Кенжеева, «Укрепленные города» Ю. Милославского и т.д.¹), новая «эпическая драма» («Цапля» В. Аксенова, «Демократия!» И. Бродского²), эмигрантская антиутопия («Остров Крым» В. Аксенова, «Москва 2042» В. Войновича³). Также художники «третьей волны» вспоминают о межродовых литературных экспериментах своих предшественников из «серебряного века» и создают произведения метризованной прозы (С. Довлатов, В. Аксенов, С. Соколов, Э. Лимонов⁴).

«Роман отъезда» – тот жанр, который наиболее полно отображает систему писательского мировидения, характерную для представителей «третьей волны». В основе проблематики такого романа – «особое осознание мира и своего места в нем, которое можно определить как ощущение себя “нигде” / “между”, “по ту сторону жизни”»⁵. Сюжет такого произведения конструируется на сочетании мотивов «свершения» (мучительного преодоления границ) и разочарования (все, от чего герой бежит, оказывается по-прежнему вокруг него и в нем самом). Закономерный исход для такого героя – смерть.

Авторы «третьей волны» эмиграции открывают горизонт и к новым философско-эстетическим проблемам. В частности, это касалось степени приемлемости политизации художественного текста, соотношения в нем публицистического, социологического и подлинно художественного. Эмигранты-диссиденты размышляют над экзистенциальными проблемами своего существования, в их сознании четко закрепляется понятие «потусторонность», означающее

¹ Тихомирова Е.В. Литература и небытие (К вопросу о поэтике прозы «третьей волны» русской эмиграции) // Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей. Самара: Самарский университет, 1997.

² Головчинер В.Е. Эпические тенденции в драматургии «третьей волны» русской эмиграции («Цапля» Вас. Аксенова, «Демократия!» И. Бродского) // Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей. Самара: Самарский университет, 1997.

³ Ланин Б.А. Антиутопия в литературе русского зарубежья // Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей. Самара: Самарский университет, 1997.

⁴ Орлицкий Ю.Б. Стиховое начало в прозе «третьей волны» // Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей. Самара: Самарский университет, 1997.

⁵ Литература русского зарубежья. Учеб. пособие / Сост. Л.Х. Насрутдинова. Казань, 2007. С. 52.

невозможность вернуть прошлое и вернуться в прошлое. Происходит работа с категорией памяти в литературном произведении. Для эмигрантов-шестидесятников она приобретает новое значение. Если ранее память служила лишь подлинной реконструкции событий, то теперь это скорее творческое воссоздание действительности, «прошлое-для-себя».

Для некоторых писателей традиционная литература умерла навсегда, и это обращает их в русло постмодернизма, поэтика которого начинает активно развиваться представителями этого времени. Использование фантасмагорий, построение собственного бытия в тексте, с одной стороны, служит своеобразным уходом из реальности, протестом против нее, с другой же, это отражение особой черты эмигрантского мироощущения невозможности жить полной жизнью «здесь и сейчас». Другие же до конца остаются верны реалистической традиции

Примечательной чертой некоторых произведений «третьей волны» становится полилингвизм как отражение нового, сломленного сознания. Средствами русского и иностранных языков писатели создают особые эффекты (каламбур, парадокс и т.д.), отражающие ироническое отношение авторов к зарубежной ментальности и зарубежной культуре.

3. ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

3.1 Особенности репрезентации культурного феномена «эмигрант» в произведениях авторов «третьей волны»

В настоящее время внимание ученых-литературоведов всего мира сосредоточено на проблеме портрета как художественно-эстетической категории, привносящей в литературный текст особые жанрово-стилистические и содержательные элементы. Будучи традиционно воспринимаем как прием художественной изобразительности, портрет все же всегда нечто большее, чем просто вспомогательная литературная составляющая. Портрет диктует свои законы тексту, в который включается, определяет его структуру, манеру его подачи и даже отражает ментальность автора произведения.

Литературный портрет, согласно С.Н. Колосовой, – это «жанр, близкий мемуарному, которому свойственны документальность, стремление к точному, достоверному воспроизведению избранного объекта, на которое накладывается личное восприятие автора»¹. «В первую очередь, это рассказ о характере и судьбе определенной личности, интерес к которой и формирует содержание нового жанра»².

Авторы «третьей волны» русской эмиграции часто используют именно такой жанровый тип текста для создания художественных произведений о себе, о том, что им пришлось пережить, покинув родину и переселившись в абсолютно неведомую и чуждую для них страну.

При всей специфике творчества и индивидуальных методов художественного воплощения своих творческих замыслов такие поэты и писатели диссидентского эмигрантства, как Сергей Довлатов, Иосиф Бродский, Василий Аксенов, Александр Солженицын и другие имеют достаточно внушительный корпус текстов, в котором они пишут об одном и том же – о себе, выстраивая из многочисленных автобиографических и мемуарных фрагментов некий метатекст,

¹ Колосова С.Н. Типология и поэтика портрета в русской лирической поэзии. М., 2012. С. 4.

² Уртминцева М.Г. Говорящая живопись (Очерки истории литературного портрета). Нижний Новгород. 2000. С.11.

в котором содержатся смысловые переключки и интертекстуальные отсылки к разным составляющим его частям.

В частности, анализируя творчество Довлатова, Бродского и других художников на тему воспоминаний о прошлом, ученые и литературные критики находят общие черты «абсурдности бытия», «тяжести бремени» нового существования, ощущение тупиковости сознания и жизни, трагическое начало текстов, имеющих то или иное отношение к биографическим мотивам¹. Ко всем без исключения авторам «третьей волны» русской эмиграции можно применить научное сравнение югославского ученого Корнелии Ичина, сопоставлявшего художественное мировидение Бродского и Овидия: эмигранты-шестидесятники, «отъединенные от общества и брошенные на задворки мира, впитывают в себя, а потом и развертывают в своих элегиях и эпистолах впечатления от картин новой, изгнаннической земли»².

«Большинство книг созданы в жанре документальных романов и повестей, – пишет Б.А. Ланин, – герои вымышлены, сюжеты и жизненные обстоятельства – документальны»³. Художественная манера подачи текста и позиционирование себя в литературной среде нового времени очень четко сформулировал сам Сергей Довлатов: «С одной стороны, за мной ничего не стоит. Я представляю только самого себя всю свою жизнь... С другой стороны, за мной, как за каждым из нас, кто более или менее серьезно относится к своим занятиям, стоит русская культура»⁴.

Типичный для многих писателей-эмигрантов «третьей волны» творческий ход, художественная техника создания произведения – то, что применительно к творчеству Довлатова отметил японский литературовед Аи Мория. Он пишет: «Характерен для творчества Довлатова такой тип произведений, в котором повествователь, живя в настоящее время в Америке, вспоминает себя в прошлом,

¹ См. об этом: Топоров В. Дом, который построил Джек // Звезда. 1994. № 3; Уланов А.М. Опыт одиночества: Иосиф Бродский // Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей. Самара: Самарский университет, 1997.

² Ичин К. Бродский и Овидий // Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей. Самара: Самарский университет, 1997.

³ Ланин Б.А. Проза русской эмиграции (третья волна): Пособие для преподавателей литературы. М.: Новая школа, 1997.

⁴ Довлатов С. Собр. соч.: В 3 т. Т.3. М., 1993. С. 347-348. *Цит. по* Каргашин И.А. Освобожденное слово (поэтика прозы Сергея Довлатова) // Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей. Самара: Самарский университет, 1997.

в Советском Союзе»¹. Такой способ обращения к действительности, когда автор сопоставляет свое нынешнее положение и жизнь в прошлом, на родине, описывает культурный шок от попыток взаимодействия с новым, чуждым для себя миром, когда художник превращает творческий акт в своеобразный способ преодоления кризиса собственного существования, но преодоления особого – такого, которое подразумевает индивидуальный катарсис в процессе перебора в мыслях всех воспоминаний о том, что произошло, - такой творческий метод мы обнаружим не только в рассказах и мемуарах Довлатова, но также в некоторых произведениях Солженицына, ранних эмигрантских повестях Аксенова, а также в книгах и журналистских выступлениях Вайля и Гениса.

Мемуарные произведения авторов-эмигрантов широко эксплуатируют жанровые элементы литературного портрета. Однако портрет в данном случае будет уже видоизмененный, модифицированный. Во-первых, изображаемой личностью становится не кто-нибудь, а сам эмигрант – реальное или вымышленное лицо. Он пишет о себе, создает автопортрет, который одновременно и подчиняется предписанным ему жанровым законам, и служит средством создания образа, складывающегося из фрагментов и незначительных подробностей из личной жизни предмета повествования. Субъект речи здесь равен объекту.

Во-вторых, личность, которая кладется в основу повествования и для описания которой используются документальные факты, мемуары, воспоминания, письма и т.д., предстает перед нами в обобщенном виде. Несмотря на то что эмигрантская проза во все времена была глубоко личностной, саморефлексивной и самопостигающей, личные и интимные качества и характеристики объекта повествования приобретают всеобщий характер и распространяются на эмигрантство в целом. Через частности жизни одного конкретного человека авторы выходят на всеохватное изображение общего, характерного для каждого, кто попадает под категорию «эмигрант».

В своей статье «Искусство автопортрета» Вайль и Генис таким образом характеризуют творчество Довлатова: «<...> различия между автором и героем не существует – во всяком случае, не усматривается. У автора нет героя, с которым

¹ Мория Аи. Россия встречается с Америкой: слияние двух культур в произведениях Довлатова // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба / Сост. А.Ю. Арьев. СПб.: АОЗТ Журнал «Звезда», 1999.

он мог бы почувствовать себя свободно. Он всегда один на один с собой. И герой, в свою очередь, тоже никогда не свободен, потому что он каждую минуту, в каждой строке создает себя, то есть автора»¹. С известной долей условности мы можем применить данное положение критиков и к другим писателям и поэтам «третьей волны», в том числе и к творческому методу самих Вайля и Гениса. Герои и сюжет, если они предусмотрены концепцией произведения, не являются самоцелью текста. Они прозрачны ровно настолько, чтобы читатель смог увидеть сквозь их призму те самые портретные черты, которые рука художника срисовала с самого себя и с тех, кто ему близок. Прозрачность героя и его истории может быть разной: у некоторых писателей она низкая, у некоторых, как, например, у Довлатова, высокая. Но в любом случае в них всегда имеются элементы автопортрета, которые можно извлечь из текста и соединить в некое смысловое целое.

Суммируя сказанное, можно говорить о том, что в прозе русской эмиграции «третьей волны» находит свое отражение феномен коллективного образа-автопортрета, который поддается реконструкции по данным текстов.

3.1.1 Петр Вайль и Александр Генис «как отцы-основатели»²

Несмотря на то что Петр Вайль и Александр Генис являются одними из ключевых фигур и основными «двигателями» литературного процесса 70-80-х годов, а также видными фигурами современной эмигрантской литературы, публицистики и журналистики, на сегодняшний день очерков творчества и биографии данных авторов насчитывается довольно небольшое количество. Познакомиться с личностями данных писателей мы можем лишь благодаря немногочисленным газетным и интернет-публикациям.

Петр Львович Вайль³ (1949 – 2009) – журналист, писатель, литературный критик, радиоведущий. Родился в Риге, проживал в Москве, Нью-Йорке, в последние

¹ Вайль П., Генис А. Искусство автопортрета // Звезда. 1994. № 3.

² *Цит. по* Костырко С. Вайль и Генис как отцы-основатели // Взгляд. 2007 г.

³ См. об этом: Петр Вайль // Радио Свобода, официальный сайт:

[<http://www.svoboda.org/author/410.html>];

Шабурова М. Петр Вайль: Я - русский литератор и американский гражданин, живу в Праге, а хочу жить в Италии. Доступно на: [<http://booknik.ru/context/all/petr-vayil-ya-russkiyi-literator-i-amerikanskiyi-grajdanin-jivu-v-chehii-a-hochu-jit-v-italii>];

годы жил в Праге. Окончил редакторский факультет Московского полиграфического института в 1975 году. Работал грузчиком, рабочим на кладбище, пожарным, а затем занялся журналистской и писательской карьерой.

Перт Вайль – автор множества статей и эссе, которые публиковались как в латвийских, советских и русских газетах и журналах («Советская молодежь», «Знамя», «Звезда», «Российская газета» и др.), так и в американских и пражских изданиях («Новый американец» Довлатова, «Континент», «Время и мы», «Эхо», «Часть речи», «Синтаксис» и др.), а также книг «60-е: Мир советского человека», «Американа», «Русская кухня в изгнании», «Родная речь» (все в соавторстве с А. Генисом), «Иосиф Бродский: труды и дни» (в соавторстве со Л. Лосевым). В 1999 году в издательстве «Независимая газета» выходит его книга «Гений места», по которой был снят 23-серийный фильм «Гений места с Петром Вайлем», транслировавшийся по телеканалу «Культура».

Вайль печатается как эссеист и критик с 1973 года. В конце 1990-х занимается литературоведческой работой и принимает участие в формировании собраний сочинений многих авторов-эмигрантов «третьей волны», в частности Иосифа Бродского. Среди сборников, составленных Вайлем, – «Рождественские стихи» и «Пересеченная местность» Бродского (совместно с Л. Лосевым).

С 1986 года Петр Вайль – сотрудник радиостанции «Свобода», сначала в качестве руководителя Нью-Йоркским бюро, а с 1995 года как заместитель директора Русской службы по информационным и тематическим программам в Праге. Автор и ведущий программы «Герой времени».

В 1995 году Вайль – член общественного совета журнала «Иностранная литература», а также член совета попечителей фонда журнала «Знамя». В 1994 и 1996 годах награжден премиями фонда «Знамя», а в 1998 году – лауреат «зоИЛ».

Александр Александрович Генис¹ (родился в 1953 году в Рязани) также долгое время прожил в Риге. Окончил филологический факультет Рижского университета. В 1977 году эмигрировал в США.

Новая Россия: мир литературы. Энциклопедический словарь / сост. С.И. Чупринин. Доступно на: [<http://magazines.russ.ru/authors/v/vajl>].

¹ См. об этом: Александр Генис // Радио Свобода, официальный сайт: [<http://svobodanews.tomsk.ru/author/173.html>];

Известный писатель, эссеист, литературовед, критик, радио- и телеведущий, Генис в разное время сотрудничает с такими изданиями, как «Новая газета», «Знамя», «Взгляд», «Синтаксис». После эмиграции его работы появляются в российской печати только в 1989 году. Эссе и статьи Гениса печатаются в «Литературной газете», «Независимой газете», «Русском телеграфе», «Сегодня», журналах «Родник», «Новый мир», «Урал», «Октябрь», «Огонек» и др.

А.А. Генис также является автором и соавтором множества книг. За последние пятнадцать лет вышли такие романы и сборники его публицистики, как «Американская азбука» (1994), «Родная речь» (1995, 1999 – в соавторстве с П. Вайлем; предисловие А. Синявского), «Русская кухня в изгнании» (1995, 1998, 2001 – в соавторстве с П. Вайлем; предисловие Л. Лосева), «60-е. Мир советского человека» (1996 – в соавторстве с П. Вайлем), «Вавилонская башня» (1997), «Темнота и тишина» (1998), «Довлатов и окрестности. Филологический роман» (1999), «Иван Петрович умер. Статьи и исследования» (1999 – предисловие М. Эпштейна).

В 1998 году Генису было присвоено звание члена общественного редакционного совета журнала «Иностранная литература» и члена редсовета еженедельника «Бостонский марафон». Награжден премией журнала «Звезда» в 1997 году.

В настоящее время писатель проживает в США (штат Нью-Джерси) и активно сотрудничает с радиостанцией «Свобода» (с 1984 года), являясь редактором и ведущим программы «Американский час. Поверх барьеров» в Нью-Йорке. Также Генис был ведущим телевизионного цикла «Письма из Америки».

Творческий тандем П. Вайля и А. Гениса стал настоящим знаменем эпохи для российских читателей 80-90-х годов. Их статьи, публицистические выступления, радиопередачи отличались новизной стиля и содержания, передавали совершенно иную точку зрения на культурные и социально-политические проблемы того времени. В интернет-публикациях, посвященных творчеству автора, принято говорить о том, что Вайль и Генис явились родоначальниками так называемого «стёбного стиля»¹ в русской публицистике и журналистике, что произвело

Новая Россия: мир литературы. Энциклопедический словарь / сост. С.И. Чупринин. Доступно на: [<http://magazines.russ.ru/authors/g/genis>].

¹ Костырко С. Вайль и Генис как отцы-основатели // Взгляд. 2007 г.

достаточно продуктивное влияние на последующее развитие языка прессы, публицистики и критики.

Кроме того, у авторов получалось поддерживать живую духовную связь не только с новым поколением читателей, но и со своим собственным поколением. Приняв на себя функцию голоса отдельной эпохи, Вайль и Генис негласно наделены полномочиями говорить от имени всех представителей эмиграции «третьей волны», передавать мысли и чувства, характерные для всех и каждого. Именно поэтому их сборники эссе содержат в себе некую всеохватность изображения быта и настроений шестидесятников, демонстрируют широкий, панорамный взгляд на актуальные события своего времени и показывают их в развитии с плавными логическими переходами от одной стадии к другой.

3.1.2 Философия «своего» и «чужого», «потерянного» и «приобретенного» в сборнике П. Вайля и А. Гениса «Потерянный рай. Эмиграция: попытка автопортрета»

Ностальгические настроения русских эмигрантов любой эпохи постоянно отмечаются исследователями культурного, литературного и исторического процесса. Представители «третьей волны» русской эмиграции как бы открывают новую главу в обширном метатексте о судьбе русских эмигрантов всех времен, в котором отражаются как судьбы конкретных личностей, их эмоции, ощущения вдали от родины, анализ ситуации отстраненности и отчуждения от родной почвы, так и осуществляется попытка показать инвариантного русского эмигранта как культурно-исторический феномен, обладающего своими отличительными признаками, качествами, нормами поведения, ментальностью, обуславливающими его жизнедеятельность.

Сборник эссе Петра Вайля и Александра Гениса «Потерянный рай. Эмиграция: попытка автопортрета» удачно вписывается в данный метатекст, с одной стороны, продолжая коллективное рассуждение писателей, поэтов, критиков русской эмиграции на тему тяжелого избраннического, мессианского характера их изгнания (о чем сказала еще Зинаида Гиппиус, представительница «первой

волны»: «Мы не в изгнании. Мы в послании»¹), с другой же, дополняя общеисторический контекст описанием нового времени и нового человека-эмигранта, который, будучи культурным наследником прошлого, все же обладает несколько иными отличительными качествами и чертами мировидения и миросозерцания.

Название книги – «Потерянный рай» – дословная цитата одноименной эпической поэмы английского поэта Джона Милтона, отсылающая к библейскому сюжету грехопадения первых людей Адама и Евы, ослушавшихся заветов Господа и за это изгнанных из Земли Обетованной. «Потерянный рай» – это также важный культурно-философский архетип, который может быть истолкован как особая сущность и судьба человека, проживающего свою жизнь от «золотого века» к веку упадка и разложения, постоянно теряющего какие-либо ценности и обретающего взамен нечто иное. Память, как неотъемлемое, постоянное связующее звено между утраченным и приобретенным, является эссенциальной чертой каждого человека.

Прием цитирования в данном случае обладает функцией создания смысловой и символической аналогии. Библейский Рай в сознании авторов особым образом накладывается на реальную действительность и на события эпохи конца 60-х годов, которые пришлось пережить представителям эмиграции «третьей волны», тем самым обогащая предмет изображения в знаковом смысле и сообщая ему дополнительную смысловую значимость. Параллель ветхозаветного «потерянного рая» с «потерянным раем» русских эмигрантов-шестидесятников строится благодаря скрытому сопоставлению эдемского сада с покинутой Россией, изгнанных Адама и Евы с «двумястами тысяч бывших советских подданных»², плода Древа Познания со свободой слова и мнения и т.д. На принципе данной аналогии будет базироваться философская концепция авторов об «утраченном» и «приобретенном», «своем» и «чужом», разрабатываемая повествованием, а также и построение всего текста в целом, композиция которого организована последовательным рядом культурно-знаковых оппозиций.

¹ *Цит. по* Струве Г.П. Русская литература в изгнании: краткий биографический словарь русского зарубежья. Париж - М., 1996, стр. 3.

² Вайль П., Генис А. Потерянный рай. Эмиграция: попытка автопортрета. С. 11.

Образ эмигранта в пространстве авторского мировидения представляется в таком же диалектически-оппозитивном виде и дан в последовательном развитии, что демонстрируется авторами изображением постепенно сменяющихся состояний человеческой души. Жизненный путь эмигранта-шестидесятника – процесс медленного отчуждения от Рая-России, утрачиваемого Рая и в конце концов потерянного навсегда, и одновременного приобщения к Раю-Америке, Раю-Загранице, приобретаемому и затем приобретенному. После обретения новой жизни на другой земле происходит обратный процесс, скрывающий в себе изначальное трагическое противоречие. Эмигрант осознает тот факт, что обретенный Рай на самом деле является не чем иным, как пространством лимба, первым кругом ада, очередным «чужим» местом, лишенном необходимых ценностей. Ожидаемое и желаемое оказывается иллюзией, не соответствует действительному. В то же время обратное стремление назад («*Мы же выбрали родину долго и сознательно*»¹), поиски путей к утраченному, заведомо не возможны. Эмигрант, с позиции авторов, – человек, зашедший в экзистенциальный тупик. Путь к дальнейшему поиску «своего» и отречению от «чужого» закрыт, и человек оказывается на месте Сизифа Альбера Камю, которому для обретения внутренней гармонии и успокоения необходимо сделать волевой шаг к принятию действительности такой, какая она есть, – к смирению как единственному способу существования в мире абсурда².

Таким образом, автопортрет эмигранта «третьей волны» дан нам в развитии, представляющем собой духовную эволюцию человека, ищущего «свое» среди «чужого». Такая концепция отражается и в композиционном членении книги – своеобразной категоризации мира русским эмигрантом, в которой за понятием «Там» стоит описание того, чем и кем был эмигрант у себя на родине, в стране, «*которая благодаря катаклизмам прогресса стала заповедником идеологии*»³, лозунг «Вперед на Запад!» отражает переходный этап, когда предыдущий Рай уже потерян, а новый пока не приобретен и не осознан, а понятие «Здесь» показывает нам, что было найдено и что утрачено навсегда на земле изгнания. Заключительный аккорд придает повествованию своеобразное послесловие,

¹ Вайль П., Генис А. Потерянный рай. Эмиграция: попытка автопортрета. С. 106.

² Камю А. Человек Абсурда. Миф о Сизифе // Камю А. Избранное. М., 1994.

³ Вайль П., Генис А. Потерянный рай. Эмиграция: попытка автопортрета. С. 11.

озаглавленное так же, как и книга в целом, – «Потерянный рай», резюмирующее сказанное и приводящее всю изложенную концепцию человека и модель мира в глазах писателя-эмигранта к некоему общему знаменателю.

Память эмигранта – ключевая характеристика этого совокупного образа-автопортрета: *«Эмиграция – место и время. Отсюда, из нашего ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС, мы можем осознать, чем мы были, кем стали и какими будем»*¹. Она вмещает в себя не только личную память конкретного человека, его впечатления, переживания, радости и воспоминания, но и память коллективную: культурную, историческую, политическую. Именно память рисует нам динамику становления характера эмигранта, противоборство ценностей и моральных принципов внутри него. Память обладает и неким надличностным и надгеройным началом, которая одновременно и принадлежит повествователям, помогая воспроизвести в тексте самих себя и свое окружение, и управляет ими, самостоятельно оценивая происходящее, называя события и давая имена тем, кто в этих событиях принимает участие.

Несмотря на то что герой книги – эмигрант, авторское сознание говорит, что он не всегда был эмигрантом в социально-статусном смысле этого слова. Находясь «Там» и выйдя «оттуда», эмигрант был и остается «русским человеком», хотя и лишенным *«привычных вещей, знакомого этикета, родной знаковой системы»*². Дом для этого русского человека – Россия, СССР – это в первую очередь пространство знаковое, идеологическое, в котором каждый жест, каждый предмет, каждый феномен имеет, помимо общего и самого прямого значения и назначения, еще и символический подтекст, характеризующий это место как единое пространство, уклад. Имущество как «филадельфическое собрание», которое коллекционируется не просто так, а по определенным принципам, сообразно особым принципам; образ жизни – именно такой, а не какой другой; музыка и литература, которую читает русский человек, «интеллигент», и то, в какой форме происходит восприятие этих художественных произведений. Все это – те самые ценности, без которых нет «русского человека». Но одновременно с этим, такой уклад жизни стремится к внутренней самодеструкции, и это тоже типично для героя, которому посвящен цикл: *«Мы воевали с жизнью сообща. И*

¹ Вайль П., Генис А. Потерянный рай. Эмиграция: попытка автопортрета. С. 12.

² Там же.

поэтому брачные союзы были схожи с окопным братством. Общность вкусов достигалась суровой муштрой, долгими очередями и необходимостью. Иначе любовь превращалась из цели в средство – машина, дача, русская, а впоследствии еврейская фамилия. Суровый естественный отбор наделял супругов иммунитетом к кошмарному быту и человеческой подлости. Но приобрести такой иммунитет было непросто»¹.

Жизнь «русского человека-интеллигента», таким образом, представляет собой некий «романтический конфликт» между желаемым – а в его сознании «должным» – и действительным, между традицией, любимым укладом жизни и обстоятельствами внешнего плана – «нелюбимым» коммунизмом – выработавшим все эти порядки. *«Возможно, именно преодоление этого романтического конфликта между идеалом и жизнью и породило национальное мировоззрение, в свою очередь создавшее один из самых любопытных и опасных феноменов в истории – Россию»².*

Такой порядок жизни породил в «русском человеке» особое свойство характера, которое можно назвать «оглядыванием на других» и которое и определяло его духовные поиски на протяжении всей истории его существования: начиная временами Древней Руси и обращения к варягам с просьбой княжить на Руси и заканчивая культурным феноменом евразийства. В результате восхищение и восторг «русского человека» вызывают картины из жизни зарубежья, которые он видит по телевидению и с которыми он не в силах соприкоснуться в реальной действительности: *«Вот очередь безработных негров, ждет бесплатного супа. Стон! На них нейлоновые сорочки. Те самые – по двадцать рублей и не достать. Парижская беднота подбирает в мусоре арбузные корки. Арбузы в декабре?! В братской Болгарии в кафе не запрещают курить. Отсталые африканцы пьют ледяное пиво. И так до бесконечности»³.*

Дом для «русского человека» – это *«традиции безделья, создающего иллюзию комфорта, достатка и свободы при помощи самых патриархальных средств – водки, бани и похабного анекдота»⁴*. Чтобы исправить положение, нужно

¹ Вайль П., Генис А. Потерянный рай. Эмиграция: попытка автопортрета. С. 64.

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 49.

⁴ Там же. С. 52.

поступательное движение к чему-то лучшему, постоянный поиск: *«Мы принадлежим к поколению транзитных пассажиров. Нам поневоле близки слова с чужими корнями — вокзал, перрон, плацкарта. И мы старательно изучаем расписание, чтобы узнать, где, наконец, закончится наш долгий и неосмысленный путь»*¹. Именно это побуждает «русского человека» стать «эмигрантом» и влиться в целое общество, которое писатели называют «эмиграцией», «диаспорой» и т.д. Но решение измениться не пройдет бесследно и для внутреннего мира «русского человека». Несмотря на то что он попытается вынести из дома с собой как можно больше своего культурного опыта, своих воспоминаний, своих ценностей, на пути к новой ипостаси – к «эмигранту» – он утратит гораздо больше, чем мог бы себе представить. И возможно, *«к тому времени мы будем дарить новичкам доллар на счастье и за это рассказывать, как начинали с нуля, зато теперь, слава Богу, все есть – и дом, и проперти, и у мальчиков свой бизнес»*².

Согласно авторской концепции, образ русского эмигранта становится таковым именно благодаря своей русскости, стремлением к максимализму и всепоглощающей жажде нового. Реализовать же свой потенциал он не может благодаря сложившейся политической обстановке. Заграница оказалась «запретным плодом» для «русского человека», и он, подобно своим библейским архетипическим прототипам, начал конструировать в своем сознании большое количество «мифов» и «легенд» о том, какой могла бы быть жизнь за пределами родного дома. Герой оказывается на перепутье собственного существования, его статус не определен. Он уже больше и не «русский человек», однако все еще не «эмигрант». Он никак не именуется: авторы используют для его обозначения только дейктическое «мы», «нас» и под. «Мы» оказались не в силах предугадать своей дальнейшей судьбы: *«Российский идеализм продуцировал веру в Запад, и никакой скепсис не мешал этому феномену. Умом мы понимали, что и на Западе идет дождь, но сердце уверяло нас, что там всегда светит солнце»*³.

Итак, Америка – новый Рай – открывается пока еще маргинальному безымянному объекту повествования как «страна мечты», затерянная и вновь найденная

¹ Вайль П., Генис А. Потерянный рай. Эмиграция: попытка автопортрета. С. 94.

² Там же. С. 94.

³ Там же. С. 100.

«Атлантида». Процесс оставления родины влечет за собой актуализацию пространства Америки в сознании эмигранта, и именно в этот момент в жизнь безымянного героя входит слово «эмиграция», с которым позднее он станет себя ассоциировать.

«Мы не знали и знать не могли, что находится в <...> США. Но мы твердо верили, что там есть все, чего нам не хватает – деньги, мудрость, счастье. Ни одна религия не смогла нарисовать убедительную картину рая <...>. А мы сумели оживить эту абстракцию <...>. Как ранние христиане в своих катакомбах, мы сравнивали жизнь настоящую и жизнь грядущую. <...> Но нас, как и тех христиан, не смущало незнание. Напротив, мы пользовались им, чтобы населить эту terra incognita самыми пылкими плодами нашей фантазии. Всему там хватало места, и мы голосовали за это «все»: за хиппи и банкиров, за армию и пацифистов, за негров и ку-клукс-клан. Все казалось разумным и достойным. И все, как в Эдеме, уживалось рядом – волки с агнцами, миллионеры с безработными, правда с вымыслом»¹.

С приездом на новую землю обетованную наступает и постепенное прозрение, осознание иллюзорности стремлений и в конце концов разочарование новой действительностью, с которой теперь уже приходится мириться, вместо того чтобы ей радоваться: *«В России мы жили вымышленной Америкой <...> Если раньше даже этикетка "Made in USA" приводила нас в праздничное содрогание, то теперь мы легко и просто поменяли полюса»².*

Процесс познания того, что авторы называют «terra incognita», сопровождается и ломкой сознания, характера, самой сущности героя-эмигранта: *«Сам воздух Америки, ее почва, вода, хлеб – все делает нас другими. Если бы мы привезли с собой зеркала, они сохранили бы память о других людях – толстых, шумных, несимпатичных. Изменились наши вкусы, критерии, привычки. Дело не только в том, что мы забыли значение слов "прописка, коммунальная квартира, частич в томате". Другими стал строй наших мыслей, интонация нашей жизни, направленность наших страстей»³.*

¹ Вайль П., Генис А. Потерянный рай. Эмиграция: попытка автопортрета. С. 107.

² Там же. С. 116.

³ Там же.. 120.

Появляются новые самоназвания: «слепые котята», «американцы», «русские американцы», «крохотное национальное меньшинство», «беженцы-refugees» и др. Когда-то «русский», эмигрант становится человеком «российским», чье трагическое разочарование в достигнутом и попытка преодолеть маргинальное состояние тела и души приравнивается к процессу медленного, «затянувшегося взросления», завершение которому может и не наступить.

«На пути из русских в американцы мы сделали немало остановок – поменяли несколько работ и квартир, выучили три тысячи слов и десяток ругательств, посетили публичные дома, Сенат и оздоровительные комплексы, сидели на диете, целовали мезузу, пробовали устриц, получали фуд-стемпы, страховали собственность и разводились. И все же путь только начался и вряд ли мы живыми дойдем до финала»¹.

Изучив новую для себя действительность и разочаровавшись в ней, эмигрант выстроил для себя новую картину мира, однако память о старой до сих пор остается в его сознании. Происходит отчуждение от приобретенного и ментальная тяга к «чужому», которое навсегда останется «своим» – там, за Атлантическим океаном. Образ, который предстает перед нами теперь, – это человек, который никогда не найдет общий язык с «аборигеном», никогда не смирится с отсутствием тех вещей и того языка, которые были когда-то частью его природы, его «корнями». Все, что активно и нетерпимо отвергалось в России, теперь кажется родным, много значащим. Русский эмигрант в Америке осознает тупиковость своего положения, невозможность двигаться дальше, продолжать поиск духовной родины, которая, в сущности, уже является найденной, хотя и навсегда потерянной, и он с горечью замечает, что теперь ему ничего не остается, как стать «таким как все», принять для себя новые ценности и новый лозунг: «Не высовывайся!», что для «русского человека» было бы самым большим оскорблением.

«Здесь тяга к приключениям как духа, так и тела понемногу улеглась. Язык и нравы, комфорт и деньги, русская газета и телевизионный триллер – все это свело на нет нашу буйную жажду познания мира. Учиться никогда не поздно, но

¹ Вайль П., Генис А. Потерянный рай. Эмиграция: попытка автопортрета. С. 122.

всегда лень. Вот мы и обходимся несколько пенсионным досугом, создавая его не то что на свой вкус, а так, как придется. Как принято. Как все»¹.

Однако трагическое положение эмигранта не отменяет его изначально мессианского характера и функции особого посланника: *«Мы перепутали времена глаголов – народ с определенным прошлым, неопределенным настоящим и туманным будущим. И в этом статусе нам предстоит найти цель. Смысл, оправдывающий нашу новую шаткую реальность»².* И у героя есть эта цель, и он не готов отречься от нее даже после того, как добровольно отрекся от «своего» и осознал катастрофичность собственного бытия. Цель эмигранта-шестидесятника в том, чтобы «научить уму-разуму», «научить народы мира политической мудрости», самостоятельно продолжить изучать эту до сих пор не изведенную до конца страну, не просто принять ее как «свою», но и доказать ей, что она тоже может считать эмигранта «своим», родным.

И, конечно, одной из главных своих миссий эмигрант считает сохранение своего наследия, передача его потомкам и единомышленникам, попытка увековечить себя в памяти других и пронести собственную память через поколения других. *«Эмиграция могла бы стать архивом, музеем, хранилищем, где все ценности российской культуры стояли бы рядом, на соседних полочках. Где можно было бы спокойно разобраться, как мы дошли до такой жизни, что единственным выходом стало бегство. Эмиграция могла бы стать заповедником, и котором тщательно выращивается рассада идеализма. В котором восстанавливаются старинные добродетели российской интеллигенции – терпимость к врагам, любовь к друзьям, сочувствие к слабым»³.*

Стойкость духа, верность собственным заветам и попытка преодоления себя позволяет эмигранту сделать поистине парадоксальный вывод, определяя собственную идентичность: *«Что-то никак мы не растворяемся в американском "плавильном котле". То ли мы осадок, то ли накипь, то ли уж такой бриллиант...»⁴.* *«<...> в конечном счете, мы ехали ЗА чем-то, а не ОТ чего-то. <...> Едем все-таки не потому, что так уж было невтерпез, а потому, что*

¹ Вайль П., Генис А. Потерянный рай. Эмиграция: попытка автопортрета. С. 170.

² Там же. С. 122.

³ Там же. С. 137.

⁴ Там же. С. 194.

ждем чего-то такого, хорошего. И вот мы приехали. И ощутили себя сообщностью. То есть из грандиозного российского разнообразия собрались в компактную кучку "мы"»¹.

3.1.3 Духовный мир русского эмигранта и литературное наследие прошлого (по книге П. Вайля и А. Гениса «Родная речь. Уроки изящной словесности»)

Одной из главных составляющих образа-автопортрета русского эмигранта-шестидесятника является не только структура сознания и особый способ видения мира, но и идейное наполнение этого сознания, жизненные принципы, которые отличают его от образов-антагонистов. Силой, противостоящей эмигранту, становится в произведениях авторов данного течения обобщенный образ советского Режима, который вбирает в себя как явления жизни и социума, так и ее представителей – обывателей, жителей Советской России, приверженцев коммунистического строя и застойного социализма.

Как было сказано выше, трагические взгляды эмигранта на окружающую его действительность не исчерпываются только рефлексией по поводу своего двойственного и в то же время безвыходного положения «на перепутье» между «своим» и «чужим». Смысл дальнейшего существования герой видит в поиске своего предназначения, своей миссии в эмиграции, что отчасти также обозначает путь к себе, к «своему» среди «чужого».

Таким предназначением, во многом являющимся завещанием предыдущих эмигрантских поколений, было и осталось сохранение истинно русского культурного наследия, предотвращение его неизбежного умирания в среде советской стагнации и коммунистического тоталитаризма. Русская духовность, которая на протяжении многих веков слагалась из различных художественных - в том числе и литературных – традиции, жизненного уклада русских, обычаев и всего народного опыта – это тот самый «Прометеев огонь», который, как считает эмигрант, ему необходимо сохранить и пронести через поколения. И хотя делать это он будет особым, шестидесятническим образом, суть мессианства невольного переселенца остается прежней.

¹ Вайль П., Генис А. Потерянный рай. Эмиграция: попытка автопортрета. С. 207.

«Развитие политической мысли в России стало неотделимо от художественной формы, в которую она облачалась»¹. Критический сборник П. Вайля и А. Гениса «Родная речь. Уроки изящной словесности» представляет собой попытку проанализировать литературный опыт прошлого с несколько других, нетривиальных позиций и взглядов. Всем известные произведения русской классики, изучаемые еще со школьной скамьи, превращаются под оценивающим пером авторов не просто в энциклопедию русской социальной жизни, но и в некий свод типичных черт русской личности, в попытку выделить духовно-ментальные типы русского человека, слагающиеся из качеств как литературных героев, так и их создателей. Идея сборника в том, что данные типы русского человека остаются в вечности, живут и по сей день, несколько видоизменяясь под воздействием общественных и экономико-политических условий. Частью этого общерусского культурного опыта является и сам эмигрант, который также унаследовал многие черты типичных людей прошлых поколений, запечатленных русскими писателями и поэтами в своих бессмертных творениях. Что изменилось, а что так и осталось прежним спустя многие века - на эти вопросы и пытаются ответить авторы сборника, избирая весьма необычную форму анализа и проецируя предмет критического разбора через эмигрантское сознание в тот исторический контекст, который для них актуален.

Анализируемая с таких позиций, русская классическая литература предстает перед нами как художественная история эмиграции, история становления ее идейных позиций, взглядов, история возникновения причин, послуживших стимулом к активным выступлениям против действительности и к попыткам ее изменить.

Таким образом, получаем, что генетические корни эмигранта «третьей волны» уходят прямиком в литературу 18 и 19 веков, когда появлялись на литературной арене такие авторы, как Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, М.Н. Карамзин, Н.И. Новиков и др. Именно они в своих произведениях положили начало весьма старой традиции диссидентства в России, на почве которой вырос феномен эмигранта. Постепенное усложнение характера и ментальности «несогласного», своеобразная эволюция пра-эмигранта происходит с течением времени и с ходом

¹ Вайль П., Генис А. Родная речь. Уроки изящной словесности. С. 52.

развития русской литературной мысли, которую всегда более, чем все другие, волновали именно общечеловеческие проблемы.

Так, можно говорить о том, что свои личностно-поведенческие истоки эмигрант-шестидесятник видит в произведениях Н.М. Карамзина, в частности в повести «Бедная Лиза», которая впервые заговорила об отголосках зарождения в русской литературе типа «лишнего человека». Традиция *«изображения умных бездельников, которым праздность помогает сохранить дистанцию между собой и государством»*¹ – традиция изображения «лишнего» героя – это первый намек на будущего диссидента. По мнению авторов, Эраста можно назвать «отцом» пушкинского Евгения Онегина, традиционно считающегося первым в историческом списке разочаровавшихся героев. *«Благодаря благословенной лени лишние люди – всегда фронтеры, всегда в оппозиции»*². Вот откуда исходит одна из наиболее существенных черт личности эмигранта.

Стремление к революционному переустройству жизни начинает закладываться в эмигрантской личности с появлением А.Н. Радищева. Именно он стал в истории русской литературы одним из первых «несогласных», посвятивших свою жизнь борьбе за свои убеждения: *«С него начинается длинная цепочка российского диссидентства»*³.

С появлением декабристов в начале 19 века начинается новый виток в развитии мировоззренческой традиции, из которой впоследствии выходит феномен эмиграции. «Вдохновенная пылкость» К. Рылеева, «угрюмая сосредоточенность» П. Пестеля, «лихорадочная готовность на все» П. Каховского – это и многое другое особым образом запечатлется в генетической памяти русского человека и передается грядущим поколениям, находя свое отражение в характерах будущих эмигрантов-диссидентов: Солженицына, Синявского, Довлатова и др. Примечательно, что качества, воспитанные декабристами, остались живы не только благодаря будущим эмигрантам. Согласно точке зрения авторов, каждый русский человек отчасти декабрист, обладающий пылким нравом и склонностью к лозунговым выступлениям. *«Зов к высоким идеалам и бичевание пороков – вот*

¹ Вайль П., Генис А. Родная речь. Уроки изящной словесности. С. 20.

² Там же. С. 20.

³ Там же. С. 41.

занятие достойного российского человека. Тут все серьезно, и программные документы декабристов нельзя отличить от царских указов, а декларации диссидентов по языку и стилю – близнецы постановлений ЦК»¹.

Традиционное литературоведение склонно видеть литературного прототипа декабризма в образе грибоедовского Чацкого. Однако, по словам критиков, *«Чацкий ничуть не похож на современных ему лучших людей России»²*. Его никак нельзя назвать революционером, диссидентом и уж тем более борцом.

В характере эмигранта «третьей волны» неизменно присутствует качество, генезис которого не определен авторами на этапе исследования писателей и литературных героев 18 – начала 19 столетия. Речь идет о неизменном разочаровании, разубеждении в своих позициях, которое приходит тогда, когда безвозвратно утеряно либо найдено нечто важное, способное изменить весь ход человеческой жизни. Становление этой черты эмигрантского характера, как значительная веха в его идейном развитии, связывается с именем не менее значимой литературной личности первой половины 19 века – с именем А.С. Пушкина. Именно он стал первым русским поэтом, чей жизненный путь – *«от мятежного вольнолюбия до последнего примирения, от веселой борьбы к мудрому покою, от Брута к Горацию»³* – впоследствии приняли для себя многие будущие эмигранты как «третьей», так и других волн, в том числе И. Бродский и С. Довлатов.

Н.В. Гоголь, многие свои произведения посвятивший вопросам истинного и ложного патриотизма, согласно мысли авторов критического сборника, также невольно явился тем русским писателем, который внес свою лепту в становление характера будущего эмигранта. Традиционно герой повести «Тарас Бульба» Андрий считается антигероем, прочитывается интерпретаторами как человек, изменивший своей родине, за что и был наказан своим отцом. Вайль и Генис же отмечают, что Андрий – это еще одна эволюционная ступенька на пути к эмигранту «третьей волны», на чью долю выпал тяжелый духовный поиск своей родины. Андрий - такой же искатель, какими затем станут диссиденты. *«Отчизна*

¹ Вайль П., Генис А. Родная речь. Уроки изящной словесности. С. 69.

² Там же. С. 67.

³ Там же. С. 93.

есть то, чего ищет душа наша, что милее для нее всего. Отчизна моя – ты», – цитируют авторы слова героя, обращенные к возлюбленной им польской княжне, а затем комментируют: *«Это не вульгарное «нас на бабу променял», а высокое и праведное в своей искренности чувство»*¹. Это чувство в дальнейшем мы отметим в характере каждого из эмигрантов «третьей волны».

Следует отметить также, что сам Гоголь также во много признается в качестве предтечи русского эмигранта-шестидесятника. Будучи писателем, сознательно покинувшим родину, но продолжавшим из-за границы писать о своей России, Гоголь действительно предстает перед нами как первый духовный диссидент, который в то же время не может оборвать свою ментальную связь с домом. Именно поэтому именно в творчестве Гоголя появляется такое произведение, как поэма «Мертвые души» – созданная, условно говоря, в эмиграции. *«Совершая свое путешествие по России, он [Гоголь – прим. наше, Ж.М.] объясняет родину не только соотечественникам, но и иностранцам – словно автор путеводителя».* Такой манеры творческого поведения также будут затем придерживаться многие писатели-эмигранты «третьей волны».

Таким образом, в сборнике эссе П. Вайля и А. Гениса предпринята попытка проследить генезис характера и становление ключевых мировоззренческих принципов русского эмигранта «третьей волны» через обращение к духовному опыту русского человека, сосредоточенному в классической литературе. Благодаря характерной преемственности, свойственной русской культуре в целом, литература и ее создатели стали тем учителем жизни, благодаря которому и возникли качества, нашедшие воплощение в русском эмигранте. И миссия шестидесятника заключается в том, чтобы сохранить преемственность и обучить многовековой мудрости предков другие поколения. В этом смысле особое значение приобретает подзаголовок книги «Родная речь». «Уроки изящной словесности» – это не уроки «чего», а уроки «чьи». Литература в сознании эмигранта – не только наследие, которое вбирает в себя весь культурный опыт нации, но и то, что учит этому опыту, наглядно демонстрирует его реализацию и главное – возможность его реализации, постоянную актуальность и необходимость. Утратив литературу, русский утратит себя, поэтому один из

¹ Вайль П., Генис А. Родная речь. Уроки изящной словесности. С. 155.

парадоксов жизни, современной шестидесятнику, заключается в том, что чтобы сохранить «русскость», нужно оставить Россию.

3.1.4 «Гастрономия» русской души: метафора кухни как способ категоризации пространства в сознании эмигранта (П. Вайль и А. Генис «Русская кухня в изгнании»)

Всестороннее исследование сущности и отличительных черт эмигранта как феномена современного исторического и культурного процесса – особенность критических и мемуарных произведений П. Вайля и А. Гениса. Поиски истинного себя и попытка дифференцировать характер русского человека в изгнании на фоне остальных приобретают новый оттенок и оригинальную точку зрения в книге авторов «Русская кухня в изгнании».

Своеобразие данного произведения заключается в его многоплановости и смысловой многослойности. Скрытое внешней, жанровой оболочкой поваренной книги и замаскированное под нее, данное исследование души русского человека и в особенности русского эмигранта на чужбине особым образом взаимодействует с формой и рождает новые смыслы, дополняющие авторскую рецептивно-образную картину эмигрантства и его отличительных черт. Авторы рассматривают образ типичного шестидесятника-переселенца и окружающие его социумы с концептуальной позиции «мы есть то, что мы едим», раскрывая личностные черты эмигранта и их отличие от национального характера других народностей через гастрономические пристрастия, привычки, обычаи, традиции, через связанный с кухней и пищей внешний, социокультурный контекст, обусловивший такое поведение.

«Ниточки, связывающие человека с родиной, могут быть самыми разными – великая культура, могучий народ, славная история. Однако самая крепкая ниточка тянется от родины к душе. То есть к желудку»¹. Такой своеобразный взгляд на душу человека, сосредоточенную в его гастрономических пристрастиях, можно объяснить тем, что кухня в понимании авторов – одна из самых сильных и самых крепких национальных традиций, которая, наряду с литературой, искусством и т.д., составляет культурный багаж народа, то, что с детских лет

¹ Вайль П., Генис А. Русская кухня в изгнании. С. 5.

формирует человека как представителя той или иной культуры, той или иной народности.

«Обед, приготовленный приятелем, скажет о нем больше, чем его врач, адвокат и психоаналитик вместе взятые. Еда раскрывает в человеке самое потаенное. Пусть он читает в оригинале Горация, но вы видите его намазывающим икру на черный хлеб – и все тщательно скрываемые плебейские корни рвутся наружу. Кулинария – это, несомненно, язык, и язык богатейших возможностей. Он полон эпитетов и метафор, гипербола и литот, метонимий и синекдох»¹.

Кухня – символ традиции, национальной идентичности, по принципам и чертам которой можно сказать многое о ее носителе, или, вернее, приверженце. Кухня в изгнании – это маленький культурный островок, оторванный от почвы национальных традиций и перенесенный на другую, чужую землю, островок, испытывающий на себе влияние двух противоположных тенденций. С одной стороны, это стремление сохранить свою идентичность, «законсервировать» в себе многовековую память, а с другой – постоянное давление извне, со стороны окружающей чужеродной традиции, заставляющей приспособляться и принимать в себя что-то новое, принуждающей к культурному взаимодействию и культурному обмену. Следуя такому постулату, авторы выстраивают свою концепцию эмигрантства в новом смысловом и символическом плане, позволяющем читателю на образно-интуитивном уровне уловить отличительные особенности типичного русского человека, типичного американца и – на пересечении этих культурных кругов – типичного эмигранта, представителя «третьей волны», который хоть и стремится остаться русским до конца, но все же признает за собой и некоторые субстанциальные отличия, дистанцируясь от русских и американцев и выявляя собственную, комбинированную идентичность.

В каждой национальной кухне – а значит, и в культуре – имеются свои основополагающие принципы, ценности, формирующие быт и ментальность ее носителей. Более того, даже у каждого продукта есть своя душа, и совокупность этих душ может дать четкое представление о носителях культуры, их употребляющих: *«Грибы, как и некоторые наши знакомые, занимают промежуточное положение между растениями и животными. Ученые до сих*

¹ Вайль П., Генис А. Русская кухня в изгнании. С. 120.

пор не решили, есть ли у них душа. Но каждый, кто находил в лесу боровик, в этом абсолютно уверен. У белых – коренастая, положительная душа, у лисичек – кокетливая и суетливая, у сморчков сморщенная, у рыжиков – славянофильская <...>. Без души живут только шампиньоны, потому что их выращивают на грядке»¹.

Сообразуясь с такой художественной гипотезой, авторы сборника выводят перед читателем совокупность гастрономических черт русского человека и американца, давая их в постоянном противопоставлении, выстраивая оппозиции, и делают выводы о сущностях культурного и духовного миров Запада и России.

Говоря о русской кухне, авторы вводят в повествование идею «золотого века». Русская кухня сосредотачивает в себе весь уклад жизни народа, все, что исконным образом сформировало ментальность русского человека, обусловило его повседневные привычки, черты характера, этический и эстетический кодекс. Русская кухня прошлого - в сознании авторов происходит разграничение древней патриархальной гастрономической культуры Руси и кулинарных пристрастий современной России – это идеальный хронотоп, которого ныне нет и быть не может. От этого богатейшего наследия остались лишь реликты, и с каждым годом, десятилетием их остается все меньше. Русские забыли о том, что их задача как народности сохранить тот бесценный опыт, который они все еще имеют. Однако в утрате вечных национальных ценностей и черт виновны не только люди, но и обстановка в мире: конфликты, всеобщая интеграция, глобализация и т.д.

Главные ценности русской кухни-культуры – это чаепитие – *«долгие разговоры о смысле жизни, дача, какие-нибудь соловьи»²*, то, без чего невозможно себе представить ни одну пьесу Чехова или Островского; это русский суп, *«совершенно особый, ни на что не похожий по вкусу и аромату»³*, практически полностью сформировавший русский быт таким, каков он есть. Это, безусловно, пресноводная рыба - настоящая кормилица русского человека испокон веков, это и грибное ассорти, способное *«или придавать свой вкус всему блюду или*

¹ Вайль П., Генис А. Русская кухня в изгнании. С. 48.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 22.

оттенять чужой вкус с типичной русской щедростью»¹. Что как не сбор грибов определило известную на весь мир незлобивость души русского человека? То же самое можно говорить и о национальной гордости – о соленых огурцах, готовить которые русских не отучили «ни татары, ни ляхи, ни большевики». То же можно сказать и о борще, который хоть и пришел из Украины, но по праву может считаться своим, родным, и о водке, которая для русского человека не просто горячительный напиток, но составляющая особого ритуала.

Именно благодаря характеру, сформированному русским бытом и русской кухней, мы являемся теми, кто мы есть. Самовар для нас – смысл жизни, приготовление ухи – от начала и до конца – обряд. Богатство и разнообразие нашего рецептурного фонда – наша сила, особенно в сравнении с теми народами, которые подобным богатством не располагают. *«Вспомним, как бежали от нас французы, проложенные листиками салата и укутанные нашими же бабыми платками, под напором оснащенных верной идеологией и наевшихся сала патриотов (об этом см.: Лев Толстой. Собр. соч. в 20 тт., М., 1960)»².*

Авторы, говоря о значимости кухни как элемента культуры, постоянно приводят параллели из текстов классической художественной литературы. Ведь все взаимосвязано, считают они, каждый элемент культуры, каждый пласт определяет другой и определяем другим.

«Для того чтобы насладиться русской кухней, надо попасть в изгнание»³, – заявляют Вайль и Генис. И даже несмотря на то что, как и все настоящее, живое, русская кухня постепенно меняется и притом не всегда в лучшую сторону, базовые, идентифицирующие принципы сохраняются и проходят через века. И во многом эту миссию сохранения и почитания былых гастрономических традиций оставляет за собой эмигрант, который хранит в своей памяти многое из того, что уже забыто современным русским человеком («Сегодняшние россияне, за исключением писателей-деревенщиков, считают, что лучшая рыба – колбаса. Хотя и колбаса утрачена вместе с национальными корнями»⁴). Но миссия эта так же тяжела, как и любая другая миссия, и не каждый эмигрант способен с нею

¹ Вайль П., Генис А. Русская кухня в изгнании. С. 50.

² Там же. С. 74.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 23.

справиться: *«Эмигрантская склонность к ленивой примитивности наносит серьезный ущерб российскому культурному наследию, которое мы вывезли с собой за границу. Забываются дедовские рецепты, материнские наказания, мудрость веков»¹.*

Русская кухня, как и русский человек, очень гостеприимна, с уважением относится к чужим традициям и, как следствие этого, чрезвычайно восприимчива ко всему новому, иноземному, стремится приобщиться к самобытности других народов и заимствовать что-то для себя, сделав частицей своего. *«Кулинария вообще существует только в диалектическом синтезе – своего и чужого, разумного и доброго, старого и нового. <...> кулинария, оперирует исключительно вечными категориями. Ведь, что-что, а есть человеку надо каждый день...»²* В результате в русском человеке так много приобретенных черт, хотя у других народов эти черты ассоциируются именно с русскостью, а не с чем-либо иным. *«Мы угощаем своих иноземных знакомых пельменями. Русские рестораны на Брайтон Бич завлекают посетителей пловом. Американские кулинарные книги в русский раздел помещают соус сациви. Советский навильон на Всемирной выставке сервировал борщ и шашлык. Хотя ясно, что тут перечислены достижения северной, среднеазиатской, украинской и кавказской кухни»³.*

В противоположность этому, американцы характеризуются совершенно иначе. Их кухня, хотя и призванная изначально объединить в себе множество культур, множество народов и множество обычаев, стремится к нивелировке различий и к сведению многообразия в общий шаблон, суррогат, то, что популярно.

Америка – страна, где *«есть все, необходимое для истинного гурмана»⁴*. Запад «изнежен», питается исключительно суфле, фрикасе, барбекю, фондю и прочими блюдами, чьи экзотические названия непривычно режут слух эмигранта и заставляют его относиться ко всему этому скептически. Однако именно здесь нет ни русского горшка, без которого каши не сварить – в прямом и переносном смысле, ни русской печи, ни щей с капустой, ни настоящей рыбы.

¹ Вайль П., Генис А. Русская кухня в изгнании. С. 85.

² Там же. С. 122.

³ Там же. С. 30.

⁴ Там же. С. 9.

Американец – это человек, который *«обойдется в кулинарии – хамбургером, в искусстве – телевизором, в спорте – подкидным дураком»*¹. Это земля, где люди «очумели от витаминов», объявив беспощадную войну калориям. Это место, где рыба по вкусу напоминает вату и вызывает стойкое отвращение к любой еде, кроме «хамбургеров». Это страна, где одно из самых популярных национальных блюд и, одновременно с этим, один из самых распространенных обычаев – барбекю – превратился в вид спорта, заключающегося в том, кто раньше организует место для этого «действия» в погожий день и кто больше дыма накопит.

Парадоксальная черта американского быта, по мнению авторов, в том, что, будучи самой свободной страной в мире, Америка убивает в своих гражданах всякое желание и стремление к этой свободе, превращая мультикультурное богатство в пошлый мейнстрим. *«Теряя свободу есть, когда хочется, мы теряем интерес к еде вообще. И вот уже появляется идея «питания». Вползают в душу мерзкие витамины, протеины, холестерин. Человек забывает про бессмертную душу и начинает рассматривать себя как корову, в которую нужно ввести высококалорийные корма, чтобы получить... здоровье, что ли?»*²

Стремление американцев приютить у себя множество разных культур приобрело гипертрофированный характер и привело к тому, что оказалась незначимой каждая отдельная культура вообще. Из-за этого возникла так называемая взаимная «неграмотность», культурная нечуткость по отношению друг к другу, и ярким примером тому служит американская кухня - как пища и как процесс приготовления этой пищи. Американец всегда «испортит» красную икру сырым луком, вместо поистине российского разнообразия грибов, салатов, рыбы, супов предоставит на вкус общественности одни лишь шампиньоны, картофельную шелуху, лососину и овощной бульон, ограничив доступ к чему-либо иному, действительно ценному и достойному культивирования.

Америка «стерильна». В ней все настолько же лишено вкуса и запаха, насколько лишено калорий. Именно здесь возникло противное и искренне непонятное русской душе явление вегетарианства, которое способно испортить любое

¹ Вайль П., Генис А. Русская кухня в изгнании. С. 14.

² Там же. С. 43.

вкуснейшее блюдо. Именно здесь *«подобно тому, как никто не видал шпротов не в консервах, образ тунца связан с круглыми металлическими баночками»*. Именно тут многие готовы поспорить, *«что тунец так и плавает в виде аккуратных цилиндров»*¹.

В Америке демократия привнесла свободу во все сферы человеческой деятельности, но эта свобода лишь кажущаяся, мнимая. Демократия здесь порождена бактериями брожения – теми же самыми, которые нужны для производства сыра. На словах каждый здесь волен выбрать что угодно – хоть «китайские дамплинги», хоть итальянские «равиоли». Но на деле выходит, что и то и другое – все такой же суррогатный продукт, поскольку *«их лепит бездушная машина, не ведающая ни любви, ни страха»*².

«Романтическая эклектика» русской кухни, а также кухонь народов, которые, как считают авторы, близки по духу к русским (испанская и др.), противостоят американскому «занятому» унитаризму. В этом смысле выражение «покорять Америку» приобретает совершенно иное значение: не «завоевать», «укротить», а «обольстить», «заинтересовать», попытаться привить ей вкус и радость жизни. «Хищная сеть американского общепита» – порождение американского ритма жизни, не дающее в полной мере раскрыть весь свой кулинарный потенциал – принижает достоинство, учит лени, «оскопляет душу».

Однако даже на такой несочной и бескалорийной земле, как Америка, найдутся свои прелести жизни и кухни, испробовав которые понимаешь, что «ехать стоило». В частности, американцы придумали “steamer”: *«приготовление блюд на пару дает удивительный эффект, особенно когда имеешь дело со знакомыми продуктами: они являются как будто заново»*³.

Новый Свет, несмотря на все свои огрехи, познакомил своих жителей с «черным с искрой» омаром, *«что краснеет, как девушка, в ловких руках»*, со шпинатом и перигорским паштетом, трюфелями, устрицами и “seafood’ом”. Американская гастрономическая сокровищница обнаружила в себе такие неведомые русскому человеку вещи, как «Дон Периньон», индейка в брусничном соусе, кленовый

¹ Вайль П., Генис А. Русская кухня в изгнании. С. 115.

² Там же. С. 85.

³ Там же. С. 113.

сироп, лангуст и многое другое. И в Америке, заключают авторы, есть своя богатая кухня-культура. Есть там и те, кто хранит ее традиции: хоть и своеобразно, но национально-культурные ценности передаются из поколения в поколение и на чужой земле, однако, как и в России, наблюдается постепенное забвение исконного, истинно ценного.

В самом центре взаимодействия таких непохожих друг на друга кухонь – или, шире, культур – находится русский эмигрант, который, не принадлежа полностью ни одной ни другой традиции, является наследником России с ее многовековым прошлым и в то же время преемником Америки с ее во многом непонятными обычаями.

Как и в других произведениях П. Вайля и А. Гениса, в сборнике «Русская кухня в изгнании» в основе построения образа-автопортрета эмигранта лежит философская концепция утраченного и приобретенного. Во главу угла в данном случае также ставится тезис: *«Горестный перечень невозвратимых утрат эмигранта столь же нескончаем, сколь и список приобретенных преимуществ»¹*. Однако его художественное воплощение в данной книге несколько отличается от общей концепции образа эмигранта в других произведениях авторов.

Через метафору кухни, особым образом категоризирующую культурное время и пространство вокруг героя, демонстрируется естественность порядка вещей и принятие эмигрантом действительности такой, какова она есть. Если в предыдущих сборниках диссиденту-шестидесятнику сообщались пессимистические настроения и образ был наполнен мотивами из экзистенциальной философии, поскольку осознавал трагичность своего бытия и страх перед тем, что ожидает его в будущем и как сложится его судьба, будет ли выполнено его предназначение, то «Русская кухня в изгнании» – это новый поворот в интерпретации культурного феномена эмигрантства. Герой по-прежнему характеризуется двойственностью своего положения (местоположение на пересечении двух миров, непохожих друг на друга), у него по-прежнему есть миссия – сохранение культурного богатства своей родины, вывезенного на «ковчеге» из зоны распада прежних ценностей. Отличие же состоит в том, что эмигрант-шестидесятник теперь не относится к новоприобретенному, когда-то

¹ Вайль П., Генис А. Русская кухня в изгнании. С. 62.

«чужому», с враждебностью, не отвергает его и не борется с ним. Теперь русский эмигрант принимает свое положение как данность, он не просто готов смириться со своей судьбой и со своим положением. Он принимает «чужое» как «свое», и «чужое», в свою очередь, не отторгает эмигранта и становится новой почвой, которая питает его своими жизненными соками.

Безусловно, ироничное отношение эмигранта-диссидента к новой действительности (которую мы не можем уже в полной мере назвать новой) присутствует. Критика западной культуры, анализ и выявление национально-культурных недостатков через кулинарные пристрастия американцев, а также объяснение невозможности продолжать былую жизнь в такой среде остаются в повествовании, но теперь все это служит другим целям - единению, пониманию, взаимообмену ценностями.

По-настоящему новой чертой, ставшей одной из ключевых в образе эмигранта в книге «Русская кухня в изгнании», становится забвение о своем предназначении, заключающемся в сохранении культурного опыта русских и передаче его из поколения в поколение. В центре внимания читателя – образ «ленивого» эмигранта, который устает от «аскетического», подвижнического образа жизни борца за свои права и за сохранение своих обычаев и постепенно начинает плыть по воле течения, подчиняться негласным правилам и законам, которые действуют на новой земле.

Но «лень» в данном случае не является отрицательным качеством. Процессы ассимиляции эмигранта с «чужим» населением и частичного забвения своего культурного прошлого неизбежны, считают авторы. Их нужно понять и принять как данность. В этом есть и некая доля сожаления: *«<...> общее снижение культуры распространилось и на эмиграцию <...> лишь редкие нынче представители первой волны помнят, что солянка может быть еще и рыбной, и грибной»¹; «Если иноземец вздумает создать уху, руководствуясь воспоминаниями эмигрантов, то с удивлением обнаружит, что ее главным компонентом является водка»².*

¹ Вайль П., Генис А. Русская кухня в изгнании. С. 20.

² Там же. С. 62.

С другой же стороны, полное слияние американца и русского эмигранта, полное растворение меньшинства в большинстве, по замыслу Вайля и Гениса, невозможно. И в этом тоже находит свою реализацию проявление каких-то высших сил, самого закона жизни, подчиняясь которому – только так – можно обрести гармонию с окружающим миром и с самим собой. Хлеб – всему голова, вторят русской поговорке авторы. Это настоящий дух, эссенция родного прошлого и национальной идентичности. Поэтому *«все эмигранты, приезжая в Америку, начинают с пекарни. Там, куда еще не добрались предприимчивые хлебоделы Третьей волны, наверняка есть немецкие, украинские или прибалтийские лавочки, торгующие ржаным товаром»*¹.

Другое дело, что, забывая о своих корнях, многие эмигранты не удосуживаются хоть сколько-нибудь поинтересоваться новой культурой и новыми обычаями, оставаясь, таким образом, в пространстве небытия, не-принадлежности ни к чему и ни к кому. *«Еще преступнее невежество эмигрантов по отношению к новой жизни. Что знает средний эмигрант о кардамоне, бадьяне, тимьяне? О кремлевских старцах и моргедже – все, а об анисе и чабере – ничего. Обидно»*². И это действительно, по мнению авторов, является поводом для огорчения.

Тем не менее, все приходит со временем: и привычка, и новый быт, и признание «чужого» как самого «своего». Пришло к эмигранту, подобно откровению свыше, «завоевание» “seafood’a”, гриля, который теперь, *«как родственники, есть у любого эмигранта»*³. Волей-неволей поддается шестидесятник и «вредной диетической пропаганде», которая царит в США, хотя баловать себя роскошными блюдами из культурного прошлого тоже ему никто не мешает.

Ностальгия по прошлому, по родине, по далекой России также остается в душе русского эмигранта «третьей волны». Но вместе с тем приходит и постепенное осознание того, что с действительностью необходимо мириться, что, в конце концов, каждый человек – сам творец своей судьбы и винить в своих неудачах ему нужно только себя самого: *«Знали, на что идем»*.

¹ Вайль П., Генис А. Русская кухня в изгнании. С. 136.

² Там же. С. 79.

³ Там же. С. 57.

Приобщение к новому дому с его кухней, с его традициями и жизненным укладом происходит теперь не путем болезненных компромиссов, а путем приобретения маленьких душевных радостей, с которыми связаны те или иные приметы, черты, воспоминания, даже вкусы и ароматы. *«Устроившись, эмигрант осваивает на новой земле знакомые соответствия: в газетах прославляет правительство, в ресторанах обсчитывает и поет «Червону руту», евреев избегает, негров называет «шахтерами», вздыхает о Гурзуфе. При широкой общности воспоминаний, у каждого есть свое, заветное. <...> мы все же остаемся российскими людьми и потому радостно обнаруживаем валдайские пейзажи в Квебеке, ленинградские мосты в Лондоне, одесский гвалт в Неаполе»¹. «Даже те, кто забрался в Чикаго, живут на широте Тбилиси. Нью-Йорк соответствует Баку, Сан-Франциско Ашхабаду, Лос-Анджелес – страшно сказать! – Кушке. Той самой, «дальше которой не пошлют», потому что это самая южная точка Советского Союза. Горько приходится на чужбине тем эмигрантам, которые даже не в состоянии найти себе географического аналога на родине»².*

Связь географическая, онтологическая, подкрепляется и связью культурной, гастрономической. И хотя в новых условиях эмигранту не всегда удается то, что удавалось ему ранее, будучи в России, каждый момент кулинарного «возвращения» на родину имеет необыкновенную ценность, это всегда маленький праздник. *«Нет, сладкое время русской кухни падает на каждый эмигрантский очаг. Только здесь, на дому, склоняются подвижники над сковородами, горшками, ухватками, чтобы воссоздать в чуждой среде родную суть. Это и есть домашняя кухня»³.*

Примечательно, что смирившийся эмигрант не просто начинает ассоциировать себя со своим новым миром (ранее это делалось с высокой долей иронии). Теперь даже новые гастрономические реалии служат поводом для того, чтобы ментально приобщить себя к новому социуму, новой культуре, разнообразить ее совершенно новыми, непривычными оттенками и коннотациями: *«<...> представители моллюсков и раков похожи на нас. <...> мы норовим прильнуть к чему-то прочному — как мидии (mussels); меняем окраску под цвет окружающей среды —*

¹ Вайль П., Генис А. Русская кухня в изгнании. С. 101.

² Там же. С. 52.

³ Там же. С. 119.

как креветки; у многих из нас все еще нет зубов – как у устриц, объемистая грудь и маленькая головка – как у крабов; вытянутое брюшко – как у омаров. Про нас – головоногих, как кальмары – можно сказать, как о морских гребешках (scallops): молодые прикрепляются к чему-нибудь, взрослые свободно лежат на дне»¹.

Таким образом и возникает особая культура эмигрантства, обосновывающаяся на пересечении русских и американских национальных обычаев и традиций. Авторы отмечают, что сила русского уклада и русского духа оказалась эмигрантом поначалу недооцененной, что и служило поводом к пессимизму относительно будущего эмиграции. Родная культура, несмотря на пространственное отдаление от нее, течет в крови у каждого переселенца, и единственное, что необходимо сделать, чтобы почувствовать с ней связь, это прислушаться к зову собственного сердца. Или желудка, если следовать за авторами и придерживаться гастрономической метафоризации. Очень емко и точно оформляет и завершает эту мысль стихотворная глава «Русской кухни в изгнании» – «Запад есть запах, Восток есть восторг»:

*Но и в прошлом у нас – не одни лишь руины.
Все смешалось в причудливой пляске времен:
помним мы феерический вкус осетрины
и узнали, куда добавлять кардамон.*

<...>

*Наш желудок изведает изыск артишока,
не забыв каравая пахучий излом.
Мы сумели избежать культурного шока,
усадив две культуры за общим столом.*

*Возродили детант из пустого названья,
из запутанных уз политических схем.
Воплотили идею сосуществованья
двух различных во всем кулинарных систем.*

*Мы дождемся отрадного сердцу парада,
где построит в ряды всемогущий гурман
стейк из Харькова, белый налив авокадо,
массачусетский борщ, астраханский банан².*

¹ Вайль П., Генис А. Русская кухня в изгнании. С. 45.

² Там же. С. 142-143.

4. Заключение

Итак, в настоящей работе мы попытались дать представление о внутреннем мире и художественном сознании поэтов и писателей русской эмиграции «третьей волны», определивших своеобразие и черты поэтики их произведений, через анализ художественно-публицистических произведений П. Вайля и А. Гениса и моделирование на основе данных текста коллективного образа-автопортрета типичного русского эмигранта «третьей волны».

В процессе анализа научной литературы, посвященной рассмотрению исторической, культурной и социально-политической обстановки России времен эмиграции «третьей волны», было выяснено, что третий по счету массовый исход русских из СССР имел достаточно непростой характер, содержал в себе сложную систему идеологических, социально-политических, экономических и других причин. Прежде всего необходимо отметить, что «третья» эмиграция по своему составу в большей степени была интеллигентской, поэтому очень важным для понимания сущности эмиграции этого периода являются именно предпосылки идеологические. Крушение надежд, которые возлагались на советскую «оттепель», застой и последовавшие за этим новые, хрущевские репрессии, постоянный контроль и невозможность для многих представителей интеллигенции свободно выражать свои мысли и заниматься трудом по профессии заставили людей открыто выступить против такого рода режима. Диссиденты – а именно так впоследствии обобщенно были названы люди, несогласные с действующей политикой партии – отчасти насильно были высланы из страны, отчасти были вынуждены покинуть СССР, чтобы избежать участи некоторых знакомых и друзей, попавших в лагеря или высланных на общественные работы в дальние регионы.

В итоге эмигранты «третьей волны» оказались на перепутье – в физическом и духовном смыслах. Лишенные родной почвы, они должны были искать для себя новую родину, и этот процесс приобретения своего угла, своей ниши переживался ими достаточно болезненно. К тому же, ассимиляция на новой земле сопровождалась активной общественно-политической работой, которую писатели и публицисты «третьей волны» вели уже из-за рубежа.

Художественно-публицистические сборники П. Вайля и А. Гениса «Потерянный рай», «Родная речь» и «Русская кухня в изгнании» можно назвать своеобразным зеркалом эпохи эмиграции «третьей волны». Они как нельзя более точно отражают духовное и эмоциональное состояние русского эмигранта 70-80-х годов благодаря тесной связи с внелитературным контекстом, который, наряду с основными темами книг, очень силен в каждом из произведений. Сборники эссе данных авторов насыщены размышлениями и рассуждениями о судьбах русских эмигрантов «третьей волны», которые, преломляясь в художественной ткани литературного повествования, составили целую систему взглядов и представлений о сущности и характерных чертах русских эмигрантов данного времени.

Проанализировав данные тексты П. Вайля и А. Гениса и обобщив полученные данные, мы составили своеобразную модель образа-автопортрета типичного эмигранта «третьей волны», согласно которой в его характере можно выделить некоторые существенные черты.

Эмигрант – это прежде всего интеллигент, человек, в котором духовное наследие нации живет и продолжает свое существование через века. Оскудение духовного богатства родины, которое происходит благодаря существующей социально-политической и культурной ситуации, переживается им весьма болезненно, поскольку в процессе этого оскудения эмигрант лишается тех жизненных основ, на которых он привык существовать.

Для эмигранта уход, расставание с родной землей – одновременно и нужда, и бремя. С одной стороны, у него есть миссия – сохранить те остатки духовного наследия, которые еще не были искоренены, и передать их следующим поколениям. Но с другой, у него есть и осознание того, что на чужой земле сделать это будет практически невозможно, а возврата назад нет. Отсюда трагическое мироощущение эмигранта: его судьба предопределена свыше, его судьба печальна, и он не в силах ее изменить.

Не свой среди чужих и не свой среди своих – так позиционирует себя эмигрант, попадающий за границу. Сознание переселенца глубоко мифологизировано, построено на оппозициях, которые тесно взаимосвязаны между собой и образуют целый смысловой комплекс. База этого комплекса – противопоставление «своего»

и «чужого», на котором держится практически весь мировой культурный фонд, поэтому повествование эмигранта о себе значительно обогащается привлечением соответствующих культурных аналогий.

Память – ключевая категория, центральная составляющая характера русского эмигранта. Поэтому культурные реминисценции, которыми пропитана речь эмигранта, играют также и другую – не характеризующую, а герменевтическую роль. Память эмигранта хранит в себе большой объем культурной информации, и постоянная ее актуализация через аллюзии и интертекст – своеобразный мнемоническая техника, способ сохранения знаний.

В целом, можно говорить о трагичности мировосприятия эмигранта. Однако мы можем наблюдать, что с течением времени, с преодолением личностного кризиса пессимизм сменяется оптимизмом, и мироощущение эмигранта начинает приобретать совершенно иной вид. Позиционирование себя как «всюду иностранца» переосмысливается, и в конце концов эмигрант чувствует себя уже «всюду своим», поскольку его маргинальное положение – это своеобразное преимущество, благодаря которому он может соединить в себе прошлое и будущее, разные нации и народы, стереть границы между ними, устранить стереотипы, позабыть о плохом и скомбинировать в своей памяти только лучшее из того, что он помнит и что ему приходится познать. Экзистенциальный тупик превращается в экзистенциальную свободу, и эмигрант получает новый смысл в жизни.

Творческий метод П. Вайля и А. Гениса можно охарактеризовать следующим образом: через частные подробности, детали быта, жизнедеятельности, через конкретные события личной и общественной жизни раскрывается общее, универсальное. Характерно, что данный метод сродни методу других авторов-эмигрантов «третьей волны», чей корпус художественного творчества включает аналогичные тексты художественно-публицистического и мемуарного характеров: С. Довлатова, А. Синявского, В. Аксенова, В. Войновича, Н. Коржавина, Э. Лимонова и др.

5. Библиография

Источники:

Вайль П., Генис А. *Потерянный рай. Эмиграция: попытка автопортрета* //

Вайль П., Генис А. *Собрание сочинений в 2-х тт.* Екатеринбург.: У-Фактория, 2003. Т. 2. Доступно на: <http://lib.mn/blog/aleksandr_genis/164380.html>

Вайль П., Генис А. *Родная речь. Уроки изящной словесности.* М.: Независимая газета, 1999. Доступно на: <http://webreading.ru/prose/_prose_contemporary/petr-vayl-i-dr-rodnaaya-rech-uroki-izyaschnoy-slovesnosti.html>

Вайль П., Генис А. *Русская кухня в изгнании.* М.: Независимая газета, 2002. Доступно на: <http://teeed.ru/lib/books/russkaya_kuhnya_v_izgnanii_>

Научная литература:

Putna M. C., Zdražilová M. *Rusko mimo Rusko. Dějiny a kultura ruské emigrace 1917 - 1991 (II. díl).* Petrov – Brno, 1994.

Агеносов В.В. *Литература русского зарубежья (1918 - 1996).* М.: Терра.Спорт, 1998.

Ахиезер А. *Эмиграция из России: культурно-исторический аспект* // *Свободная мысль.* 1993 г. №7.С. 70-78.

Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // *Отечественная история.* 1996 г. № 1. С.53-65.

Головчинер В.Е. *Этические тенденции в драматургии «третьей волны» русской эмиграции («Цапля» Вас. Аксенова, «Демократия!» И. Бродского)* // *Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей.* Самара: Самарский университет, 1997. Доступно на: <http://netrover.narod.ru/lit3wave/1_6.htm>

Ичин К. *Бродский и Овидий* // *Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей.* Самара: Самарский университет, 1997.

Камю А. *Человек Абсурда. Миф о Сизифе* // **Камю А.** *Избранное.* М., 1994.

Каргашин И.А. *Освобожденное слово (поэтика прозы Сергея Довлатова)* // *Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей.* Самара: Самарский университет, 1997.

Колосова С.Н. *Типология и поэтика портрета в русской лирической поэзии* / автореферат дисс. на соискание уч. степ. доктора филол. наук. Москва, 2012.

Ланин Б.А. *Антиутопия в литературе русского зарубежья // Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей.* Самара: Самарский университет, 1997. Доступно на: <http://netrover.narod.ru/lit3wave/1_5.htm>

Ланин Б.А. *Проза русской эмиграции (третья волна):* Пособие для преподавателей литературы. М.: Новая школа, 1997.

Литература русского зарубежья. Учеб. пособие / Сост. Л.Х. Насрутдинова. Казань, 2007.

Мория А. *Россия встречается с Америкой: слияние двух культур в произведениях Довлатова // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба /* Сост. А.Ю. Арьев. СПб.: АОЗТ Журнал «Звезда», 1999.

Орлицкий Ю.Б. *Стиховое начало в прозе «третьей волны» // Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей.* Самара: Самарский университет, 1997. Доступно на: <http://netrover.narod.ru/lit3wave/1_4.htm>

Прищепа В.П. *Литература русского зарубежья. Учебное пособие.* Абакан, 1994.

Средняк К.В. *Писатели третьей волны эмиграции: проблемы взаимодействия с советской и западной интеллигенцией в 1960-1980-е гг. /* автореферат дисс. на соискание уч. степ. кандидата ист. наук. Волгоград, 2010.

Скобелев В.П. *О единстве русской литературы XX века // Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей.* Самара: Самарский университет, 1997. Доступно на: <http://netrover.narod.ru/lit3wave/1_1.htm>

Скобелев В.П. *«Чужое слово» в лирике И. Бродского // Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей.* Самара: Самарский университет, 1997.

Скрябина Т. *Третья волна эмиграции.* Доступно на: <<http://drugieberega.com/2004/4/trevoln>>

Современное русское зарубежье / Сост. П.В. Басинский, С.Р. Федякин. М.: Олимп, 2001.

Соколов М. *Четыре волны* // Огонек. 1999 г. № 40. Доступно на:

<http://www.archipelag.ru/ru_mir/volni/hrono_retro/4wave/>

Струве Г.П. *Русская литература в изгнании: краткий биографический словарь русского зарубежья*. Париж - М., 1996.

Тихомирова Е.В. *Литература и небытие (К вопросу о поэтике прозы «третьей волны» русской эмиграции)* // *Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей*. Самара: Самарский университет, 1997. Доступно на:

<http://netrover.narod.ru/lit3wave/1_3.htm >

Тарле Г. *История российского зарубежья: термины; принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917-1940*. Сб-к статей. Том 1. М., 1994. С. 16-24.

Торунова Г.М. *Мифология шестидесятников // Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей*. Самара: Самарский университет, 1997.

Доступно на: <http://netrover.narod.ru/lit3wave/1_2.htm>

Уланов А.М. *Опыт одиночества: Иосиф Бродский // Литература третьей волны русской эмиграции: сб-к научных статей*. Самара: Самарский университет, 1997.

Уртминцева М.Г. *Говорящая живопись. Очерки истории литературного портрета*. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2000.

Эмиграция и репатриация в России / В.А. Иониев, Н.М. Лебедева, М.В.

Назаров, А.В. Окороков. М., 2001. Доступно на:

<<http://www.cisdf.org/TRM/Ionzev/index.html> >

Газетные, интернет-статьи и публицистика:

Александр Генис // Радио Свобода, официальный сайт. Доступно на:

<<http://svobodanews.tomsk.ru/author/173.html>>

Александр Генис // Новая Россия: мир литературы. Энциклопедический словарь / сост. С.И. Чупринин. Доступно на: <<http://magazines.russ.ru/authors/g/genis>>

Вайль П., Генис А. *Искусство автопортрета* // Звезда. 1994. № 3.

Генис А. *Третья волна: примерка свободы* // Звезда. 2010 г. № 5. Доступно на:
<<http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/5/ge21.html>>

Костырко С. *Вайль и Генис как отцы-основатели* // Взгляд. 2007 г. Доступно на:
<<http://vz.ru/culture/2007/8/21/102547.html>>

Петр Вайль // Новая Россия: мир литературы. Энциклопедический словарь / сост. С.И. Чупринин. Доступно на: <<http://magazines.russ.ru/authors/v/vajl>>.

Петр Вайль // Радио Свобода, официальный сайт. Доступно на:
<<http://www.svoboda.org/author/410.html>>

Солженицын А.И. *Как нам обустроить Россию. Посильные соображения* // Библиотека «Комсомольской правды». 1990. № 11.

Топоров В. *Дом, который построил Джек* // Звезда. 1994. № 3.

Четыре волны русской эмиграции в XX веке // Заграница. № 2. Доступно на:
<<http://www.zagran.kiev.ua/article.php?new=438&idart=438166>>

Шабурова М. *Петр Вайль: Я - русский литератор и американский гражданин, живу в Праге, а хочу жить в Италии* // Booknik.ru. Доступно на:
<<http://booknik.ru/context/all/petr-vayil-ya-russkiyi-literator-i-amerikanskiyi-grajdanin-jivu-v-chehii-a-hochu-jit-v-italii>>